

ДЖЕННИФЕР РОУ

АГНЕЦ

НА ЗАКЛАНІЕ

чай, кофе
и убийства

Чай, кофе и убийства

Дженнифер Роу

Агнец на закление

«Издательство АСТ»

1995

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

Роу Д.

Агнец на заклание / Д. Роу — «Издательство АСТ»,
1995 — (Чай, кофе и убийства)

ISBN 978-5-17-102213-6

Самое жуткое дело Верити Бердвуд! Когда Дафну Лэм, дочь богатого фермера, обнаружили жестоко убитой, ни у кого – от соседей до полицейских – не возникло и тени сомнения: конечно, ее прикончил муженек Тревор, этот хулиган, пьяница и бабник, без зазрения совести использовавший свою яркую внешность, чтоб выкарабкаться из нищеты! Никого не волнуют детали: ни что еле живой Тревор найден по соседству в разбившейся машине, ни весьма необычная рана, оставленная бесследно пропавшим орудием убийства... никого, кроме адвоката Джуда Грегорьяна, старого друга Верити, который чудом добивается оправдания Лэма. Однако не успевает тот возвратиться в родной городок, как убивают и его. Возможно, преступник не поверил адвокату и хотел отомстить за Дафну? Или виной всему вскользь брошенные в пабе слова Тревора, что он знает имя убийцы?..

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-102213-6

© Роу Д., 1995
© Издательство АСТ, 1995

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дженнифер Роу

Агнец на заклание

Jennifer Rowe
LAMB TO THE SLAUGHTER

© Jennifer Rowe, 1953

© Перевод. У.В. Сапцина, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

– Кончено. Его выпускают.

Голос мужа прозвучал громко и совсем рядом, но Долли Хьюит не обернулась. Прижавшись к краю блестящей раковины, она крепко вцепилась в картофелину, которую чистила. И не сводила глаз с собственных тонких пальцев. Мокрых. В мазках и пятнах грязи от кожуры.

– Слышала, что я сказал?

Долли кивнула. Слышно было сиплое дыхание за ее спиной. Она заставила себя вновь заработать руками. Картофелечистка заскребла картофелину, соскальзывая с бугристой красно-бурой поверхности и срезая не всю кожуру. Нахмурившись, Долли по-другому наклонила картофелечистку. Нужно как следует почистить картошку. Муж не любит, когда в пюре попадают бурые вкрапления.

– Помилован. Так объявили в «Новостях». Я сам слышал в пабе. «Тревор Лэм, осужденный пять лет назад за убийство жены, сегодня был помилован...»

Долли тоже слышала это. «Жены...» Даже имени Дафны не упомянули.

– Помилован. Этот человек убивает нашу дочь, проводит пять лет за решеткой, потом сердобольный юрист пишет какую-то книжонку, и губернатор заявляет: «Так, все ясно, горемычный ты сукин сын; считай, ты уже отмучился. Всего-то и вины на тебе – убийство собственной жены. Проваливай, свободен!»

Он помолчал.

– Ну? Скажешь хоть что-нибудь? Или так и будешь стоять здесь как истукан?

Долли облизнула сухие губы:

– Говорят, это не он сделал. Не Тревор Лэм.

Произнести это имя через пять лет было непросто. Язык не слушался. Собственный голос казался незнакомым. Надтреснутым и слабым. Она по-прежнему смотрела на свои руки. И они вдруг тоже стали странными. Как чужие. Старые, сморщенные, напоминающие когтистые птичьи лапы. Ногти обломанные, ужасные. Она уставилась на них. А ведь раньше были хорошенькие ноготки. Долли удивилась: когда же они успели так измениться? Давно стали такими? Вроде только вчера... Или ей вспомнились руки Дафны? Гладкие, ловкие ручки маленькой женщины, которые помогали со стиркой, вели Императора в конюшню, наклоняли бутылку с молоком, чтобы напоить сиротку-ягненка, переворачивали страницы журнала, кормили кур, отводили со лба обвисшие жидкие прядки материнских волос. «Не хмурься, мама. Морщины появятся».

– Не он? Конечно, он! – Голос мужа словно ударил ее по ушам – хриплый, полный неистовой ярости и боли. – Надо было мне прикончить мерзавца. Знал ведь! Еще тогда нужно было пришить его. Этот его кретин братец говорит, что он явится сюда. В Хоупс-Энд. Завтра. И вот что я тебе скажу, Долли. Пусть только посмеет. Пусть попробует, и...

Долли Хьюит упорно смотрела на свои пальцы. На мокрые и перепачканные скрюченные птичьи лапки на фоне картофельных очистков в раковине.

Муж издал придушенный рык. И вышел.

Энни Лэм села на ступеньке веранды и плеснула в чайную чашку сладкого хереса.

– Твое здоровье, Трев! – сказала она, сделав глоток и с наслаждением побултыхала сладкую жидкость во рту, между беззубыми деснами, и проглотила, как теплый тягучий мед.

В конце дня на веранде все еще было жарко, хотя и не так, как в доме. А уж в доме-то вообще нечем было дышать. Даже мухи дохли на лету. И если передвигались, то ползком. Ну и жарница, думала Энни, оттягивая свободный ворот своего платья в цветок и обмахиваясь им. Чертова жара. Если повезет, завтра спадет – к приезду Трева. Пот струйками стекал между

ее огромными грудями, шекотал их, как муравьи. Утирая его, она заметила, что на дощатом полу веранды, прямо возле ее руки, распластался драный журнал. Энни отпила еще немного. И на сей раз проглотила херес сразу.

Откуда-то снизу донесся шорох, и у нее промелькнула мысль о змеях. Энни поджала голые и широко расставленные пальцы ног, обутых в резиновые шлепанцы из ремешков; но почти сразу сообразила, что это всего лишь Джейсон.

– Баб, у тебя платье задралось, снизу видать! – заявил он и заржал, грубо и фальшиво, как в мультике.

– Вот я тебе задам, паршивец! – привычно пригрозила Энни. – А ну кыш оттуда! Где твоя мамаша?

– В паб умотала. С дядей Чудиком. Это сначала, а потом с дядей Китом и Лили. И с Грейс. Энни снова отхлебнула из чашки.

– Нет чтоб меня позвать, – пробурчала она.

Ушли, значит, и бросили старуху мать на произвол судьбы. Да еще в такой день. Ну и что ей теперь, самой заваривать чай?

– Так ты спала, – напомнил Джейсон и извиваясь выполз из-под веранды и скорчил рожу. – И храпела! Бе-е, гадость.

– Да ну? – Энни утерла рот ладонью.

Она осмотрела двор перед домом, давно знакомый хлам – гниющие доски и ветки, поломанные детские игрушки, ржавеющие кузова машин и бутылки. Какое же все вокруг старое и унылое, думала Энни. А ведь прежде здесь кипела жизнь. Еще при Милти. Когда дети были маленькими. В те времена тут чего только не творилось. Дети. Девятерых – вот сколько она родила. Не считая выкидышей. Их было три. Или четыре? Неудивительно, что ее так разнесло.

Энни прищурилась, глядя на двор и мысленно населяя его призраками детей из прошлого. Нахмурилась, вспоминая их по порядку. Особенно важен был порядок. Иначе она порой кого-нибудь забывала.

Вон там, у старого доильного станка, – Бриджит, старшая: веснушчатое серьезное лицо, длинные каштановые косы мотаются по спине, командует всеми вокруг. А вон там – Микки, торчащие коленки и огненно-рыжие вихры. Никто не знал, в кого у него такие волосы. После того как родился Микки, Милти поглядывал на нее косо и подозрительно. Энни самодовольно усмехнулась. Да, было времечко...

– Ну ба-аб! – позвал Джейсон.

Она нетерпеливо отмахнулась от него. Сначала надо покончить с одним делом. А вон там – Джонни, щуплый и смуглый, пристроился, как мартышка, на изгороди, вернее, на том, что от нее осталось. На него глядит Бретт, светловолосый и коренастый, весь в деда. Рослый для своих лет Кит, точная копия Милтона, хмуро посматривает на Бриджит. У бочки Сесилия, розовая и хорошенькая, со спутанными светлыми кудряшками, играет с лысой куклой, – у нее свой мир. Поодаль, под старым ветряком, – близнецы Тревор и Розали. Эти двое всегда вместе, возятся друг с другом, как щенята. И наконец, Пол. Тихий и осторожный малыш Пол. Ее младшенький, последний из выводка.

Она родила бы еще, да Милтон не захотел. Он вообще мало чего хотел с тех пор, как в последний раз отсидел за решеткой. Разве что завалиться в паб и накачаться пивом. А к ней даже близко не подходил. Присмирел, хвост поджал – так Энни думала.

Вот и стал малыш Пол последним. Пол. Чудик, как его сейчас кличут. Зря она разрешила ему ввязаться в эту затею с боксом. Деньги того не стоили. Однако Пол все еще дома. Не то что остальные. Все они бросили ее, один за другим.

Где Микки, никто из них не знал. Может, его и в живых-то уже нет. В шестнадцать лет сцепился со своим отцом, потом куда-то скрылся, и с концами.

Затем настала очередь Бриджит – самой старшей из детей, ее первенца. А все по милости этой настырной мерзавки Долли Хьюит, которая забила ей голову всякой чепухой: мол, расти нужно, меняться к лучшему. Куда уж лучше-то? Да кто она такая, эта Долли Хьюит, чтобы решать, что и как лучше для Бриджит? Если Долли, школьная учительница, умеет говорить складно и жеманиться, да еще выскочила за этого богатого стервеца, Леса Хьюита, – что ж она теперь, Господь Бог?

Энни снова отхлебнула хереса.

Бриджит подцепила какого-то жлоба, хозяина газетного киоска откуда-то с севера. Нарожала детей, но в Хоупс-Энд ни ногой. Только открытки шлет на Рождество: «С любовью, Бриджит, Брайан, Холли и Тереза». Вот и все вести от Бриджит. Даже адреса ее никто не знает.

А Бретт – тот вырос бродягой. Дома бывает, но наездами. Когда в кармане пусто. Случается, что и в каталажку попадает. Он всегда был невезучим, Бретт.

Сесилия укатила в город через год после того, как ее отец и Джонни разбились на машине. В том же году, припомнила Энни, Розали родила Джейсона. Восемь лет назад. Или девять. Сесилия поначалу вроде не пропадала, держала связь с родными, а потом ударилась в религию. Да еще чудную такую, где головы бреют и мяса не едят. А жаль, волосы у Сесилии были красивые. И аппетит хороший. В общем, и от нее несколько лет ни слуху ни духу.

Так и остались в семье только Энни, Кит, эта потаскушка Лили, с которой он сошелся, Розали с двумя детьми – Грейс и Джейсоном, – Пол... и Тревор.

Энни поерзала на ступеньке. Чуть не забыла! Тревор-то завтра возвращается.

– Слышал, твой дядя Трев завтра приедет домой? – спросила она Джейсона. Он, конечно, еще малец, но пока потолковать больше не с кем.

– А то! – Джейсон шмыгнул носом и сплюнул на землю, подражая какой-то звезде американского бейсбола. – Мать говорила. Потому они и ушли в паб. Отмечать. А мне велели остаться здесь и сообщить тебе. Привести тебя туда. Когда ты проснешься.

Энни уставилась на мальчишку. Его тощая фигурка немного расплывалась по краям перед ее глазами. В жару с хересом шутки плохи, подумала она. Пора бы запомнить.

– Так чего же не сказал?

– Да я хотел, но ты не слушала. Только рукой на меня махала.

Энни завинтила крышку фляжки с хересом и аккуратно пристроила пустую чайную чашку за столбиком веранды. Потом поднялась и одернула платье, прилипшее к потному телу.

– Пойдем! – поторопила она. – К черту этот чай!

– Да, – кивнул Джейсон и оживился. – Чипсов в пабе поедим! Отметим.

Энни направилась через двор, обходя хлам; шлепанцы хлопали ее по пяткам на каждом шагу. Джейсон приплясывал от нетерпения, подгонял Энни, но она не спешила. До паба рукой подать. А времени – хоть отбавляй.

У Бейкера по прозвищу Цикада, хозяина паба в Хоупс-Энде, зал был заполнен. Местные начали стекаться сюда сразу после четырехчасового выпуска новостей. Он ждал их. Разумеется, в первую очередь Лэмов. Ну, Кит, Лили, Чудик и Розали и так были у него завсегдатаями. Но теперь пикапы и побитые «форды» теснились на пыльной обочине дороги напротив паба, уткнувшись капотами в тень под перечными деревьями и поджаривая кузова на солнце. Среди них затесалась даже пара тракторов и бульдозер «Бобкэт» Быка Трюса. Похоже, в округе не осталось никого, кто позабыл бы включить радио в четыре часа. Все услышали, что Тревора Лэма выпускают. И всех внезапно одолела жажда.

– Говорят, он сразу сюда и вернется. А Большая Сью как, не возражает? – усмехнулся Бык Трюс, мотнув головой в сторону буфетчицы паба. Он подтолкнул два пустых стакана по стойке бара и принялся хлопать себя по карманам в поисках денег. – Два средних, пожалуйста.

– А я почему знаю? – буркнул Бейкер, не удивляясь тому, что Бык уже знает о скором приезде Лэма в Хоупс-Энд.

Здесь новости распространялись с быстротой пролитого машинного масла: только что была маленькая лужица, а через минуту оно уже повсюду. Бейкер сгреб стаканы, сунул их ополоснуть в раковину на решетку, снова наполнил и подтолкнул по стойке к клиенту. Потом смахнул в ладонь монеты, которые выложил столбиком Бык, и отвернулся, чтобы отсчитать сдачу. В пабе Хоупс-Энда чаевых не признавали.

У Быка Трюса уцелело лишь несколько передних зубов, но он обнажил их все, забирая стаканы.

– Ждешь не дождешься завтрашней ночи, Сью? – заорал он. – Сколько уж воды утекло, а?

Грудастая и взмокшая Сью Суини за стойкой не ответила. Но ее щеки, шея и глубокая ложбинка между грудями, и без того розовые от жары, начали багроветь. Цикада вспомнил, какой у нее был вид, когда по радио передали ту самую новость. А вскоре прибежал Чудик Лэм, вопя как резаный: «Тревор позвонил родным и предупредил, что возвращается!» В ту минуту Сью не покраснела, а побледнела. Стала белой. Он уж думал, она лишится чувств. И не потому, что в пабе сидел Лес Хьюит. Хотя, Бог свидетель, жутко было смотреть, как каменеет лицо Леса, как его кулаки сжимаются, а Чудик все никак не уймется, заливаясь, будто выиграл в лотерею.

Утешить Леса было нечем. И он просто встал и ушел, оставив свой стакан на стойке. Наверное, домой направился, сообщить известие бедной Долли. Или просто сбежал, чтобы сгоряча не наломать дров.

С ощущением тяжести в желудке Цикада вперевалку расхаживал вдоль стойки, машинально собирал пивные стаканы, принимал деньги, давал сдачу. И украдкой посматривал на Сью: с поджатыми губами и разгоревшимися глазами, она лихорадочно работала, и одинаковые темные пятна расплывались под мышками на ее тугой желтой блузке. А что там и как со Сью – ему нет дела. Уже нет. Пусть чем угодно занимается с Тревором Лэмом. А что такого? Ведь она никому не отказывает.

Шесть лет назад, когда Сью только приехала сюда, ему было дело – ну, если вдуматься, может, не до нее самой, зато к ее большим мягким грудям, тяжелым, плотно сдвинутым бедрам, жадному и опытному рту. Господи, как же его ко всему этому тянуло! Сью Суини вытворяла с ним и для него то, о чем с Шэрил и заикаться не следовало. Господи, да они с Шэрил были женаты уже полгода, а самое большее, что она ему позволяла, – задрать подол ее ночной рубашки в субботу вечером. А потом лежала, зажмурившись, в ожидании, когда все закончится. Ничего странного, если вспомнить, какая она была. Но он ничего не понимал, пока Шэрил не ушла. Только тогда его как обухом огрели.

Вся эта история сломила Цикаду. Ему даже стало казаться, будто он и не мужчина вовсе. Да вдобавок об этом узнали все. Энни Лэм постаралась, разболтала, как ни пытался Кит заткнуть ей рот. Весь Хоупс-Энд, до последнего поденщика на ферме, зубоскалил за его спиной. Разумеется, в глаза ему ничего не говорили, приходя в паб, но все было ясно и по выражениям лиц. Любопытным. Снисходительным. Жалостливым. А, так вот он какой, этот бедолага, жена которого...

Вскоре Цикада понял, что надо искать, кто бы заменил Шэрил в баре. В одиночку он не справлялся. И он дал объявление. Так и появилась Сью Суини. Принимая ее на работу, Цикада думал, что из нее получится хорошая буфетчица. Так и вышло. Гораздо лучше, чем Шэрил. Работу в баре Шэрил никогда не любила. И часто раздражалась и злилась в дни выплаты пособий, когда в пабе было не протолкнуться. А Сью была не такой. Для нее чем больше посетителей, тем лучше. За стойкой бара в Хоупс-Энде она обосновалась так прочно, словно здесь и родилась. С местными перешучивалась, будто знала их всю жизнь. В комнате, где Цикада поселил ее – пристроенной над старой конюшней, где он устроил гараж, – Сью научила его кое-чему. Двух недель не прошло, как Цикада решил: ему здорово повезло, что Шэрил его бросила. Наконец-то он понял, какой может быть жизнь мужчины.

Это было как порнофильм наяву. Цикала чувствовал себя старым кобелем, которому безраздельно досталась течная сучка. Несколько месяцев жил как во сне. Позорился у всех на виду. Не мог от нее оторваться. Вскоре он ей наскучил. Захотелось притормозить. Об этом свидетельствовало множество мелких знаков и намеков. Цикада чувствовал это, но старался не замечать. Позднее думал: если бы и он тогда придержал коней, все могло пойти совсем по-другому, однако он был словно пьян Сью. Слетел с катушек.

Цикада принялся возить ей гостинцы из города. Стеклянные вазочки, украшения, духи. Даже цветы. Она уверяла, что ей ничего не нужно, но он настойчиво совал ей подарки и каждую ночь являлся к ней после закрытия паба.словно со стороны видел себя: вот он перебегает через двор и спешит вверх по лестнице в комнату над гаражом – в одной руке очередное подношение, в другой, так сказать, – нетерпеливо подрагивающий член.

К тому времени он, наверное, Сью уже осточертел. И она удивлялась, как ее угораздило связаться с ним. Но не отказывала ему и не гнала прочь. В то время со смехом принимала все, что могла дать ей жизнь, – и хорошее, и плохое. Брала все, что он только мог дать теми ночами, валила его в постель, скидывала с себя одежду и забиралась на Цикаду верхом, а он, как безумный, зарывался лицом в ее теплые, сладко пахнущие груди, живот, бедра и ягодичы.

Он догадался, что она играла. Старалась поддерживать в себе интерес. Расплачивалась. Может, думала, что он выгонит ее, если она ему откажет. А потом к ней начал подкатывать Тревор Лэм. Хотя и полутора лет не прошло с тех пор, как он женился на Дафне. К тому же Сью и Дафна сдружились. Но это его не остановило. И Сью, как выяснилось, тоже.

Цикада вспомнил ту ночь, когда он их застукал. Он вышел из паба во двор по какой-то надобности. Может, еще боценок пива принести. Сейчас уже забыл напрочь. Зато не забыл то, что увидел во дворе. Сью Суини стояла, наклонившись вперед и упираясь руками в стену паба, юбка была задрана выше пояса, белая кожа словно светилась в темноте. А Тревор Лэм, стройный и черноволосый, вцепившись в ее бедра крепкими смуглыми ручищами, накачивал ее, как мощный насос. Они слышали его. Наверное, он не сдержался и застонал.

Цикаду замутило. Даже сейчас при этом воспоминании на лбу выступил пот. Нахлынула боль. И нестерпимый стыд. Повернувшись, Сью потрясенно ахнула, потом попыталась что-то сказать ему – прямо в той же позе, головой к стене и голой задницей к нему. Тревор Лэм осклабился, сверкая белыми зубами и ни на секунду не переставая работать бедрами.

– Слушай, уже забирать начало, – ухмыльнулся он. – Не сбивай, а?

Цикада круто повернулся и ушел в дом. И продолжил подавать выпивку. Даже головы не повернул, когда Сью вернулась в бар через несколько минут. Но внутри у него что-то сужилось, как сорняк, опаленный огнем.

Сью осталась работать в баре. А что такого? Буфетчицей она была хорошей. Зачем ему вредить себе, чтобы другим досадить? Между ними даже ни разу разговоров ни о чем таком не было. Цикада просто оставил ее в покое.

С Тревором Лэмом она продолжала встречаться. Тайно, чтобы не узнала Дафна. Но Цикада часто видел, как по ночам Тревор крадучись выходит из квартирки над гаражом. Все ясно. Он, Цикада, тут ни при чем.

А вскоре Дафна умерла. Маленькая Дафна Лэм. То есть Дафна Хьюит. И Цикада вместе с остальными стоял на улице и смотрел, как Тревор Лэма увозят через мост прочь из города. Потом Цикада обернулся и увидел, что у стоявшей в дверях Сью вид такой, будто ей вlepили пощечину.

Об этом он с ней даже не заговаривал. И с остальными тоже. Пусть языками треплют другие. Почти все они считали, что Лэм и убил Дафну. Он же подонок. Это известно. А кое-кто думал, что Лэм не убивал, или только говорил, будто бы это не он. И в первую очередь Лэмы. Неудивительно. Лэмы всегда за своих стоят горой. Цикаду и Сью вызвали давать показания

в суде. Пришлось ради этого съездить в город. И на полтора дня закрыть паб. Невелика беда. Почти все постоянные посетители тоже в то время находились в городе, по тем же причинам.

В суд Сю надела синий костюм с белой блузкой. С темно-синими туфлями на шпильке, с маленькой золотой брошкой на лацкане жакета. Так же она была одета, когда он принимал ее на работу. Она выглядела мило. И все равно ей здорово досталось от обвинителя во время допроса. Ее выставили шлюхой. Подстилкой Тревор Лэма. А Цикаду на допросе никто не мучил. Он давал показания о времени, когда люди приходили в паб и уходили оттуда. Из его слов ничего особенного не следовало. Хорошо, что ему не пришлось свидетельствовать против Лэма. Или в его пользу. Местные были настроены так, что и то и другое плохо отразилось бы на бизнесе.

От него ничего особенного и не требовалось. Что Лэм крупно влип, было ясно как день. Очевидно с самого начала. Он и на скамье подсудимых выглядел отпетым мерзавцем. Бандитом, даром что красавчик. Его адвокату только и оставалось, что заявить: мол, какой-то грабитель явился в город и прикончил Дафну. Ведь ее кольцо с бриллиантом пропало. Но почти все местные знали, что украшения Дафне приходилось продавать, чтобы Тревору хватало на пиво. Никакому чужаку и в голову бы не пришло явиться в город среди ночи. А если бы и пришло, все в пабе увидели бы, как он идет или едет через мост. В общем, предположение защиты никого не убедило.

А вскоре Долли Хьюит рассказала, как однажды Тревор подбил Дафне глаз, потом рассек губу, в другой раз вывихнул руку. Тревор все отрицал, уверяя, будто и пальцем Дафну не тронул, но обвинитель вызвал врача из Ганбаджи, чтобы тот подтвердил слова Долли. Этим все и закончилось.

Цикада надеялся, что Тревор Лэм сгниет в тюрьме и попадет в ад. И вот теперь он возвращается домой.

Глава 2

Кит Лэм, Розали Лэм и Лили Денджер сидели у паба на бревне, заменявшем скамью на веранде. Там же, где обычно. Все знали, что это их место, и никто на него не посягал. Чудика послали за выпивкой, но он еще не вернулся.

– Ну и жарко, – сказала Лили. – В трейлере сегодня ночью будет адское пекло. Надо бы перебраться спать в хибарку, там рядом река, немного прохладнее.

Кит промолчал. Лили знала, почему они никуда не переберутся. Хибарка – территория Тревоора и Розали. Еще с давних времен. Отец отдал ее близнецам, когда они были детьми, а сама хибарка – развалюхой с протекавшей крышей. По мнению матери, такой она и осталась, хотя со временем стала почти пригодной для жилья. С электричеством.

– Этот сарай стоит пустым уже пять лет. Летом мы плавимся, а зимой околеваем, – добавила Лили.

– А с завтрашнего вечера больше пустовать не будет, – неожиданно для самого себя произнес Кит и залпом опустошил стакан, чтобы не сказать лишнего.

Он не понимал, зачем Лили вообще прицепилась к этой хибарке. Киту казалось, что там до сих пор воняет кровью, хотя мать и Розали отдраили все внутри дочиста. Так однажды Кит и сказал Лили, а она обозвала его тряпкой. Слунтяем. Но она же не видела того, что увидел он там в кухне пять лет назад.

Тревоор видел. И решил вернуться туда. Да еще сразу. Так он и заявил им в разговоре по телефону сегодня днем, после того как объяснил, что Джуд, адвокат, который его вытащил, привезет его завтра домой, а потом про него снимут передачу.

Его голос они не слышали несколько лет. И теперь он казался чужим. Звучал по-другому. Тревоор говорил как профессор какой. Велел Розали записать то, что он сказал, словно боялся, что если они не запишут, то забудут, чего он от них хотел.

Может, все оттого, что он окончил колледж прямо там, в тюрьме. Или научился, болтая с этим Джудом Грегорианом, который обещался довести его до дома. Похоже, они крепко скорешились за эти годы. А у Джуда – Святого Джуда, как называли его в какой-то газете, – был как раз такой ученый и важный голос.

Еще несколько лет назад они о Джуде Грегориане и не слышали. И вдруг он объявился в Хоупс-Энде с письмом от Тревоора. В письме сказано, что этот Джуд адвокат и хочет вытащить Тревоора из тюрьмы. Так что пусть поговорит с ними, это ничего. Поначалу казалось, что эта задача Джуду не по зубам. Вряд ли он процветал – тощий такой тип, с виду иностранец, но все они с ним потолковали. Деньжат заплатить за выпивку у него хватило. Потом он уехал, а они на время забыли о нем. До тех пор, пока Тревоор не прислал Розали ту самую книжку – «Агнец на заклятие». Ее Джуд Грегориан написал про Тревоору¹. В письме Тревоор объяснил – мол, Джуд считает, что книга поможет.

Они прочитали эту книжку. Даже мать. Смешно читать про то, что знаешь, – про людей, места, про то, что случилось, и все это напечатано в книге. Их имена тоже были там. Даже про мальчика, Джейсона, напечатали, потому что он находился с Розали и Грейс, когда они услышали, что Тревоор разбился на машине, а Дафна мертва. Но все это поместилось в первых нескольких главах. А дальше было уже не продрасться. Сплошная болтовня про время, отпечатки пальцев, орудия убийства, всякий хлам, который проверили – думали, будто им убили Дафну, а оказалось, что ошиблись. И еще куча всего про другие убийства, когда копы сажали невиновных. Кит дальше и читать не стал. Всем известно, какие они, эти копы. Им бы только виноватых найти, это для него не новость.

---

¹ Фамилия Тревоора Лэм созвучна с *англ.* lamb – агнец. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Зато сразу было ясно, к чему клонит этот Джуд, даже дочитывать книгу не надо. И сзади на обложке написали то же самое, под его фотографией. Он считал, что Трев не убивал Дафну, значит, его нужно выпустить. Послушать Джуда, так судья и присяжные упрятали за решетку Трева только потому, что он им не приглянулся. Мать говорила то же самое с тех пор, как упекли Трева.

В то время Лили разорялась, что этот Джуд Грегорян – пустое место. А Трева он использует, желая прославиться и разбогатеть. Ведь тем, кто сочиняет книги, за них платят. И сколько бы он ни вешал на уши Треву лапшу, никакими книжками не вытащишь из тюрьмы бедолагу, которого засадили туда на двадцать лет за убийство.

Кит видел Джуда Грегоряна по телевизору. Один раз тот говорил о Треве, остальные – о другом. Из того, что он наболтал, половину никто бы не понял. Неясно, с какой стати его вообще разобрало. Так Кит решил при первой встрече с ним и с тех пор оставался при своем мнении.

Но, похоже, в столицах народ отнесся к нему иначе. В конце концов все получилось так, как и говорил адвокат Треву. Люди вдруг возмутились тем, что Трев мотает срок, а его вина даже не доказана. Кроме местных, разумеется. В округе все давно решили, на чьей они стороне, и никакие книжки придурковатых столичных юристов не заставили бы их передумать. Как и передачи по телевизору, как и статьи в газетах. И всякие там запросы в парламент тоже.

По радио сказали, что был устроен большой сбор подписей. В Хоупс-Энде никто ничего не подписывал. В последний раз сбор подписей организовал здесь Лес Хьюит десять лет назад, чтобы построили новый мост. Только толку от этих подписей было как от козла молока. Городские власти лишь прислали пару рабочих, чтобы покрепче склотили гвоздями старый мост. А он опять начал разваливаться, не прошло и полгода. Дерево-то сгнило. Того и гляди совсем провалится под кем-нибудь. Может, хоть тогда зашевелится.

А вот со сбором подписей в защиту Трева все получилось. Да еще как. В общем, насчет Джуда Грегоряна Лили ошиблась. Он не просто языком трепал. Правда, несколько лет понадобилось, но все-таки его книга, разговоры, подписи, передачи по телевизору вытащили Трева из тюрьмы. И завтра Джуд привезет его обратно в Хоупс-Энд.

Распоряжения Трев отдал не просто так: он хотел, чтобы они договорились насчет комнаты для Святого Джуда в местном пабе на одну ночь. А еще одну комнату, отдельную, чтобы сняли для какой-то дамочки из Эй-би-си², которая приедет что-то готовить к съемкам и пробудет тут несколько дней.

Джуд Грегорян и Верити Бердвуд. Одно имечко чуднее другого! Откуда такие? Трев продиктовал их Розали по буквам. Потом заставил ее прочесть, будто без этого никак нельзя. Розали справилась только с четвертой или пятой попытки. Цикаде Бейкеру плевать на то, как их там зовут, лишь бы по счету заплатили. Мать расстроилась. Она-то ждала, что Трев поживет в старом доме с ней, Чудиком, Розали и детьми. Хотя бы недолго. Но, похоже, поняла, почему он так решил.

– Тянет его на прежнее место после стольких лет, – вздохнула мать. – Вот такие они. И отец ваш был таким. Сами знаете, как бывает, когда возвращается Бретт. Спать в дом его не загонишь. Ему бы в свой прежний угол на веранде. Хотя там москиты. Его место, и точка. Только это и помнит.

Розали сказала, что все равно не понимает, как Трев решился на подобное. Ее от одной только мысли о хибарке выворачивает наизнанку. Вместе с матерью ей пришлось наводить там порядок, когда уехали копы. И с тех пор больше ноги ее там не было. Как и ноги Кита. Обычно крови он не боялся. Ему случалось резать ягнят, сразу по много голов. Не только резать, но и свежевать туши, и потрошить. Одно время Кит даже работал на скотобойне, когда был женат.

---

² Австралийская радиовещательная корпорация.

Ивонн заставила, пристала как с ножом к горлу. Говорила, ей обрыдло сидеть на пособии по безработице. Осточертело жить в старом доме с матерью и остальными. В общем, пару месяцев Кит проработал по колено в крови и кишках. Против этого он не возражал, лишь бы его каждый день не поливали дерьмом. Если бы им не помыкал как хотел брюхастый мерзавец, который ни в грош его не ставил. А в остальном работа как работа, бывает и хуже. Ну, ягнята умирают. Вонь, шум. Кровь ручьем льется с ободранных туш ему на сапоги. Для этого и растят скот. Просто работа.

Но Дафна, лежавшая с проломленной головой на полу кухни, и кровь, вязкая лужа, медленно впитывавшаяся в старые половицы... нет, это совсем другое. Трев тоже видел все это. И все-таки решил вернуться. Снова жить в хибарке. Будто ничего и не произошло.

Тревор всегда был злым и резким, словно при рождении ему досталась вся жесткость, а его сестре-близняшке Розали – мягкость. Вот и сейчас она сидит таращится на реку, точно впервые видит ее. Вечно она витает в облаках, эта Розали. Непонятно, как вообще забеременеть умудрилась. Да еще дважды. И оба ребенка у нее – безотцовщина. Может, отцы у них и были, только Розали даже их имена не смогла назвать. Лили как-то сказала, что Розали, наверное, даже не помнит, кто ее обрюхатил. Небось оба раза все продрыхла.

Вспомнив об этом, Кит усмехнулся. А тогда чуть не вспылil. Кто дал Лили право оскорблять его сестру? Да, умом она обижена, зато сердце у нее золотое.

– Надо было нам все это время жить в хибарке, – продолжала Лили, встряхивая головой так, что крошечные золотые крестики, свисавшие с мочек ее ушей, заплесали, касаясь края нижней челюсти. Она всегда трясла головой, когда злилась. – Нужно было приказать этой жирной корове, твоей матери, чтобы заткнула пасть. Сказал бы, что мы переезжаем, и дело с концом. Мы могли бы устроиться там. Обжиться.

– Поздно уже, – проворчал Кит.

– Почему? Можно и сегодня въехать, пока не объявился Тревор. А что он сделает – выкинет нас?

– Да, – ответил Кит.

Лили презрительно и недоверчиво усмехнулась. Она не знала Тревора. Думала, будто знает, а на самом деле понятия не имела, какой он. Трев вел себя приличнее, чем обычно, пока знакомился с Лили в пабе в тот день, когда она явилась в город в обнимку с плешивым водилой грузовика с комбикормом, который подвез ее.

С этим малым Лили сразу разругалась. И никуда с ним не поехала. Заявила, что в пабе ей больше нравится. А как же! Все как раз получили пособие по безработице, да еще у работников на фермах был день полочки. Весь день и весь вечер за ее выпивку платили другие.

Тревор тоже приударил за Лили, как остальные. Наверное, старушка Сью Суини ему поднадоела. Лили же молодая. Совсем девчонка. Растрепанные и колючие блондинистые пряди с черными корнями, короткие шортики в обтяжку, врезавшиеся между ягодицами, куцая майка, под которой торчат соски, и татушка с синей птичкой на запястье. А когда паб уже закрывался, выяснилось, что денег у нее вообще нет. И ночевать ей негде. Лили повезло. Кто ее только не зазывал к себе – пока Цикада не разрешил занять кровать наверху, если хочет. Он ничего не терял: комнаты пустовали, как обычно. А Лили привлекала клиентов.

На расспросы она отвечала, что ей шестнадцать, но с виду была еще моложе. Даже теперь, через пять лет, Кит не знал толком ее возраст. Лили почти не изменилась, разве что появилась пара мелких морщинок под глазами да новая татуировка, какую она набила в Ганбаджи года два назад. Еще одна синяя птичка. На сей раз изнутри на щиколотке.

О том, сколько ей лет, Лили так ни разу ему и не сказала. И откуда приехала – тоже. Говорила, мол, хочет забыть. Все, что Кит знал о ней наверняка, – это имя: Лили Денджер. Оно ей подходило³, но порой ему казалось, что имя она себе тоже выдумала.

Ее будто и не существовало до того момента, как она появилась в Хоупс-Энде. А потом Лили просто возникла здесь, немного осмотрелась, прилипла к Кита, вильнула хвостом да и влезла к нему в душу. Но все это было уже после Трева. Лили так и не успела узнать, какой мерзкий он с теми, с кем не собирается переспать. Дафну убили в первую ночь, которую Лили провела в городе. На следующий день Трева арестовали и увезли. Лили так и не поверила, что Дафну убил он. Только в этом она соглашалась с матерью и Розали.

– Ты боишься Тревора, что ли? Хотя он на шесть лет моложе тебя? Ровесник Розали? Может, в нем осталось чутье жизни. А я выбрала не того братца. Что скажешь? – по-кошачьи улыбнулась Лили, трогая рукой свои по-мальчишески коротко стриженные волосы.

– Завтра узнаем, – отозвался Кит, отвернулся и увидел, что возвращается Чудик с выпивкой. Он заорал, подгоняя его, и ссутулится от ехидного смеха Лили.

Розали Лэм потягивала пиво и смотрела на пыльную дорогу, серые доски моста и медленно текущие воды реки. Она слышала, как препираются рядом Кит и Лили, как ее дочь Грейс хихикает и болтает с каким-то типом, поджав ногу и прислонившись к столбу веранды, как Чудик смеется в голос над какой-то шуткой в пабе у двери. Будто мухи жужжат. Нудно, привычно и бессмысленно.

Завтра домой возвращается Тревор. Прошло пять лет, и скоро он будет дома. А она уже думала, что больше никогда не увидит его. Двадцать лет представлялись вечностью. Розали даже вообразить не могла, как Тревор вновь появится в Хоупс-Энде через двадцать лет – седой мужчина в годах. А она, наверное, к тому времени будет похожа на маму. Разве что зубы сохранит. Без разницы, если потеряет остальное.

Розали перевела взгляд на свои голые ноги, вытянутые вперед. Ниже старых клетчатых шорт, края которых врезались в ляжки, образовались мягкие бугры плоти. На одной икре отчетливо проступала паутина мелких синих вен. Это пятно появилось у нее, когда она носила Джейсона. Еще одна вена вылезла сбоку на правом бедре, но ее не видно под шортами. И растяжек не заметно. Джейсон родился крупным, не то что Грейс. Вот она была совсем крохой. Маленькой, изящной и стройной, как куколка.

Розали повернула голову, чтобы взглянуть на дочь. Грейс навивала на палец свои блестящие черные волосы, выгибала спину, касаясь плечами столба веранды, и ее маленькие грудки отчетливо вырисовывались под тонкой тканью короткого, слишком откровенного платья. Голый до пояса парень, с которым она болтала, не сводил с нее жадных глаз, его джинсы сидели низко на бедрах, стакан с пивом нагревался в кулаке. Скоро и у нее все начнется, если еще не началось, мелькнула у Розали смутная мысль. Надо бы принять меры. Резинки. Про них она знает, в школе рассказали. И таблетки для надежности, что бы там ни твердила мать. «Как же рано все-таки: всего четырнадцать. А я была лишь годом старше, когда ждала ее. Но у меня все по-иному».

– Вон мать с Джейсоном, – услышала Розали голос Кита.

– Ну, начинается... – произнесла Лили, как всегда, кислым тоном.

Сучка Лили. Розали не понимала, почему Кит до сих пор с ней. Или, если уж на то пошло, почему Лили с ним. Она даже не притворялась никогда, что любит Кита или он ей хотя бы нравится. По крайней мере, прилюдно. А что там между ними творилось, когда они запирались на ночь в трейлере, – другое дело.

---

³ От *англ.* danger – опасность, риск.

– Она держит его за яйца, – говорила мама, когда по вечерам Кит и Лили вдруг вскакивали из-за стола и убегали, а остальным приходилось убирать и мыть за ними грязную посуду.

Чудик ухмылялся и похлопывал себя по ширинке.

– За яйца! – эхом повторял он.

Джейсон и Грейс фыркали и покатывались со смеху.

– Хватит смеяться над родным дядей, мелюзга! – ворчала мама, делала вид, будто сейчас даст им подзатыльник, и промахивалась на целую милю. – А ну марш убирать кухню! Живо!

Конечно, никуда дети не ушли. Никто и не ждал, что они послушаются.

– Сучка она, каких мало, – зло сплевывала Розали, исходя ненавистью к угловатому личику Лили, мальчишеской обесцвеченной стрижке и подтянутому тонкому телу. Пять лет она терпела Лили – на целых пять лет дольше, чем хотела. И презирала Кита за то, что тот спутался с ней.

Мама пожимала плечами, допивала свой стакан и наливала заново.

– Ну да. Бедняга Кит. Но ему же нужен кто-то.

– Почему? – удивлялась Розали. – У меня же никого нет. И у Чудика тоже.

– За Чудика ты не беспокойся. Он о себе сам позаботится – верно, детка? – Энни Лэм подмигнула своему младшенькому, который нерешительно усмехнулся в ответ, обгладывая кость.

– А как же я?

– Женщины – другое дело. И вообще у тебя дети, – отвечала Энни так, словно этим все и было сказано.

Но сказано было далеко не все. Не для Розали.

Глава 3

На другом конце света от Хоупс-Энда Верити Бердвуд собирала сумку. Очередное задание вызывало у нее двойственное чувство, не покидавшее ее с тех пор, как к ней обратились с просьбой.

– Берди? Это Бет. Слушай, подруга, ты вроде общаешься с Джудом Грегорианом? – выпалила в трубку Бет Босуэлл, как только Берди ответила на звонок. Как обычно, она перешла сразу к делу.

– Раньше общалась, – осторожно ответила Берди. – Сталкивалась с ним по юридическим вопросам. Но уже несколько лет не виделась. Если рассчитываешь, что я договорюсь об интервью с Тревором Лэмом, то...

– Да все уже практически решено, Берди. Мы точно знаем, что Джуд готов посодействовать Эй-би-си. Так он Зигги и сказал на последней пресс-конференции. Нам нужно только закрепить договоренности. Вот я и подумала, что при личной встрече...

– А другие компании будут потрясать чековыми книжками, Бет. Но пойдут на попятный, стоит ему только ответить тебе согласием. Если, конечно, ты не хочешь побыть на вторых ролях.

– Разумеется, это не для нас. Мы должны быть первыми.

– Ну, тогда ты попала. Как бы там ни считал Джуд, вряд ли из уважения к Эй-би-си Тревор Лэм откажется от кучи денег.

– В том-то все дело, подруга. Лэму не нужны деньги. А вот респектабельность необходима. А значит, ему нужны мы.

– Не нужны деньги? Бет, это же курам на смех. У него ведь ни гроша за душой, разве не так? Если не ошибаюсь, все его родные сидят на социалке.

– Более-менее. Я вот о чем: прямо сейчас ему деньги ни к чему. Лэм собирается написать книгу. Так Джуд сказал Зигги. Джуд организовал ему контракт... забыла, с кем, помню только, что с какой-то транснациональной корпорацией. И Лэм уже получил огромный аванс. А потом начнется – права на экранизацию, показ по телевидению и...

– Бет, если Лэм собирается писать книгу, сейчас он и говорить с нами не станет. Будет увиливать. Приберегать самый смак.

– Сойдет и то, что нам достанется. То есть Тревор Лэм, безвинно промаявшийся на нарах столько лет, снова дома, в Хоупс-Энде. Трагический антигерой. Наконец-то он свободен. Дышит сладким воздухом родины. Старый эвкалипт, обвязанный желтыми ленточками. Все тот же паб – совсем не изменился. Милая старушка мама...

– Бет, ты хотя бы видела ее, мать Тревора Лэма?

– Берди, давай без пессимизма. Просто сделай то, о чем я прошу, – ради меня, ладно? Свяжись с Грегорианом. Договорись обо всем. Объясни ему, что мешать возвращению домой мы не станем. Мы отправим тебя провести исследования, поэтому до приезда съемочной группы все уже успеют освоиться. Материал будет милый и добрый. Такой, как нам нужен.

– А если Лэма не выпустят?

– Выпустят. Гарантированно.

– Или он откажется возвращаться в Хоупс-Энд? Зачем ему совать голову в эту петлю – чтобы сделать тебе одолжение?

– Лэм сам хочет вернуться. Вот так-то. Думаешь, я отправила бы тебя туда, если бы он отказался? Он намерен вернуться в Хоупс-Энд, снова поселиться в своем сарае и жить дальше с того, на чем остановился. Это решение они не особо афишируют, но так Джуд сказал Зигги... Берди, ты слушаешь?

– Жить там? В доме, где была убита его жена? Откуда до дома ее родителей рукой подать и где полгорода по-прежнему считает, что Лэма надо было линчевать?

– Вот потому-то он и принял такое решение. Чтобы утереть им нос. Да, Лэм такой. Самолюбивый и агрессивный придурок. Подонок до мозга костей. Господи, Берди, неужели ты не поняла? Человек, который избивает до смерти беременную жену, способен на...

– Бет, но ведь его признали невиновным!

– И что? – Берди представила, как Бет пожимает широкими плечами. – Без разницы. Виновен или нет, а он все-таки сволочь. Это сразу видно, стоит только взглянуть на него.

– Забавное будет задание.

– Ты согласна? Отлично! Позвони, как только поговоришь с Джудом. Домой или на работу, ладно? Спасибо, подруга. Ты супер! Пока.

Вот так все и получилось. Берди повесила трубку с отчетливым ощущением, что ввязалась в то, о чем вскоре пожалеет. Но вместе с тем не могла отрицать, что заинтригована. У нее с самого начала имелись свои соображения насчет дела Тревора Лэма. И дело было, конечно, не только в нем, но и в Джуде.

Джуд. Берди разыскала его номер и позвонила сразу, пока не сдали нервы. Этого она терпеть не могла – звонить людям по прошествии долгого времени только потому, что ей от них что-нибудь нужно.

Джуду недавно исполнилось тридцать лет, он носил хорошо скроенные костюмы и неяркие галстуки. По крайней мере, когда у него брали интервью для телевидения. Сколько раз она видела его худое смуглое лицо на телеэкране в тот момент, когда он оспаривал очередное судебное решение или высказывал свое мнение! Джуд заседал в правительственных комиссиях, вел масштабную практику, выступал в суде – естественно, облачившись в парик и мантию, – но при этом сохранил рвение молодого идеалиста, каким его запомнила Берди. И по-прежнему обрушивал на высокомерных противников свой пламенный гнев. Метал глазами молнии, жестикулировал, подавался всем телом вперед, говорил что думает, и его ум был по-прежнему безупречно ясным – в общем, на телеэкране Джуд остался тем же, каким она знала его, и ничуть не изменился. А какой он теперь в реальности? К ее облегчению, дозвониться до Джуда не удалось.

– Он в суде, – почтительно ответил приглушенный женский голос.

Берди представилась, назвала свой номер, повесила трубку и отправилась на встречу с клиенткой, женщиной, которая хотела разыскать дочь-подростка. Джуд перезвонил Берди тем же вечером, в семь часов. Судя по фоновому шуму, он по-прежнему находился на работе.

– Берди! – Возглас прозвучал по-дружески тепло, как раньше.

– Привет, Джуд! Спасибо, что позвонил... – Она замялась, растерялась и не знала, с чего лучше начать теперь.

Но Джуд уже перехватил инициативу. Ей вспомнилось, что так он поступал почти всегда.

– «Спасибо, что позвонил» – о чем ты вообще говоришь? Разумеется, я бы перезвонил! Ну, как ты вообще? Как работа?

– Нормально, а у тебя? – машинально отбарабанила она. Дурацкий вопрос. Всем известно, как работает Джуд Грегорян. Святой Джуд. Адвокат – покровитель безнадежных дел. А теперь, после освобождения Тревора Лэма...

– Превосходно! Представляешь, к концу месяца Тревора Лэма освободят – это известно почти наверняка.

– Слышала такие прогнозы. Поздравляю, Джуд. Ты добился своего.

– Да, нелегкая была работенка, но мы уже близимся к завершению.

Типичная для Джуда манера выражаться – «мы уже близимся...». Как будто не он один оставался движущей силой кампании «Свободу Тревору Лэму» – кампании, успешный финал которой (все еще потенциальный, но вполне вероятный) был не за горами.

– Это твоя заслуга, Джуд.

– Ну, вообще-то...

Он замолчал, и Берди усмехнулась: Джуд ничуть не изменился. Похвал он стыдился так, как другие стесняются критики. Даже ради спасения собственной жизни не сумел бы просто принять комплимент. Однако Джуд быстро брал себя в руки. И сразу оправлялся от смущения. Как сейчас.

– Слушай, Берди, здорово, что ты мне позвонила! Ты даже не представляешь, как приятно слышать твой голос. Может, пообедаем вместе?

Она замялась. И отчетливо вообразила, как Бет шипит за ее спиной: «Да! Супер! У тебя получилось! Соглашайся на обед. И болтай, болтай побольше! Бутылка вина, добрые старые времена... И в самом конце – намек на интервью. И все, дело в шляпе! Разве он тебе откажет?»

Но она просто не могла. Только не с Джудом. Не могла заставить себя встретиться с ним спустя столько времени под надуманным предлогом. Быть неискренней и вести себя «профессионально» с Джудом все равно что изворачиваться и хитрить с самой собой.

– Я хотела поговорить с тобой о Треворе Лэме, – произнесла Берди. – И насчет интервью.

– А, ну да, конечно.

Ей представилось, как Джуд слегка выпрямляется в кресле, словно подстраиваясь к ситуации, переключаясь с личного тона на деловой. Берди ощутила слабое, щемящее сожаление. Своими словами она нарушила некое шаткое равновесие. Вторглась в собственное прошлое. Безнадёжно испортила чистую, памятную дружбу. Соглашаясь созвониться с ним, она об этом даже не задумывалась. И лишь теперь осознала, насколько важен для нее уголок памяти с ярлычком «Джуд Грегориан и я». Было бы лучше, гораздо лучше, если бы он сохранился навечно, как мушка в янтаре.

– Слушай, а я и не предполагал, что ты до сих пор работаешь в Эй-би-си, – промолвил Джуд. – Я же точно помню, как читал...

Значит, он в курсе, чем она занимается. Настала ее очередь подстраиваться. Джуд всегда был таким целеустремленным. Ей казалось, он слишком занят собственными делами, чтобы обратить внимание на газетный абзац, в котором упоминалось ее имя.

Когда Берди работала на полную ставку, собирая информацию для Эй-би-си, он считал, что она не ценит себя. Что же Джуд скажет теперь, услышав, что Берди стала частным детективом и работает в тесном сотрудничестве с полицией, которую он презирует? Детектив из полиции, сержант Дэн Тоби, с кем она обычно поддерживала связь, расследовал пару дел, позднее переданных Джуду. Нетрудно было догадаться, какого мнения Джуд о Дэне.

И все-таки ее звонку он явно обрадовался. Неподдельная теплота в голосе ей не помешалась.

– Я по-прежнему занимаюсь сбором материала внештатно, как и другой работой, – поспешно объяснила Берди. – В основном для Эй-би-си. Чаще всего – для документалок. Они хотят снять сюжет о Треворе Лэме – ну, ты уже в курсе, – а меня просили уточнить с тобой прежние договоренности.

«Потому что мы давние друзья. Часть прошлого друг для друга. Потому что они считают, что я имею влияние на тебя. Вот мной и воспользовались как орудием, чтобы добиться своего. Им нет дела ни до тебя, ни до меня, ни до Тревоора Лэма. Они просто хотят снять интервью, которое получит высокий рейтинг, но в отличие от коммерческих каналов не могут позволить себе заплатить за него. И рассчитывают, что я уговорю тебя согласиться».

– Ясно.

Он прекрасно понял ее.

Возникла пауза. Берди ждала, когда Джуд начнет уворачиваться. Упомянет о других предложениях. Пообещает подумать, обсудить вопрос об интервью с Тревором, а потом, когда все будет решено, – созвониться с Бет или Зигги.

– Ну что ж, тем больше у нас причин пообедать вместе, – наконец произнес Джуд. – Заодно и поговорим. Посмотрим, что можно сделать. Если, конечно, ты в принципе не возражаешь.

– Нет... я не возражаю. Пообедать было бы замечательно.

– Отлично! Тогда выберем время... минутку.

Берди услышала, как Джуд листает страницы. Сверяется со своим ежедневником. И огляделась в поисках собственного, погребенного в пучине бумаг. Не беда. У нее не бывает встреч, которые нельзя было бы отменить или перенести.

– Берди! – Его голос звучал чуть приглушенно, словно он прижимал телефон к уху высоко поднятым плечом. – Как насчет послезавтра?

– Конечно. Где?

– В том греческом ресторане. В половине первого? Или... Греческая кухня тебе подойдет?

– Греческий ресторан будет в самый раз. Отлично! А ты уверен, что он еще не закрылся?

Джуд рассмеялся:

– Да я туда как минимум раз в неделю хожу! И всегда вспоминаю тебя.

О таком ей даже не мечталось – чтобы он хотя бы раз за все годы вспомнил о ней!

– Берди, мне пора, у меня скоро встреча. Так мы договорились? Увидимся в «Элладе» в четверг, в половине первого.

– Да, Джуд. До встречи.

После того как он повесил трубку, она еще пару минут сидела, уставившись на телефон. Обед с Джудом в «Элладе». Это все равно что попасть в прошлое через разрыв во времени. Телефон зазвонил так неожиданно, что Берди подпрыгнула. И настороженно сняла трубку.

– Берди? Это Бет. Слушай, извини, что задержала тебя, но я просто не могла дожждаться. Ты уже говорила с...

– Только что закончила.

– Ну-ну? Что он сказал?

– Ничего не стал обещать. Но в четверг мы с ним обедаем.

– Да? Супер! Берди, ты сокровище! Сработало!

– Это пока ничего не значит, Бет. Мы лишь договорились пообедать вместе.

– Ты его уболтаешь, подруга, я уверена. Болтовня без умолку, бутылка вина, старое доброе прошлое... А потом...

– Бет, мне пора. Я позвоню тебе в четверг. После обеда.

Берди повесила трубку, не дожидаясь, когда попрощается ее удивленная собеседница, затем провела пятерней по своей растрепанной кудрявой каштановой шевелюре, сняла очки и бросила их на стол перед собой. Несмотря на все возражения, она понимала, что Бет права. У них действительно все получилось. Джуд согласится дать интервью. За бараниной с рисом, бокалом вина и воспоминаниями, в четверг днем, в греческом ресторане. От одной мысли об этом у нее тревожно щемило сердце. По множеству причин.

Глава 4

Берди бросила в сумку еще одну рубашку. Сколько она уже взяла? Надолго ли уезжает? На три дня? Четыре? По словам Бет – на четыре. А Берди хватило бы и трех. За глаза. В первый день в Хоупс-Энде будет Джуд: вернет Тревора Лэма в лоно семьи, познакомит ее саму со всеми, – но уже завтра рано утром помчится обратно в Сидней. На следующий день ему нужно быть в суде. После его отъезда она останется один на один с Лэмом и его семьей. Вот уж чего Берди совсем не ждала. С недавних пор она и так проводила с ними слишком много времени, хоть и опосредованно. Последнюю пару недель, в ожидании помилования, освежала в памяти сведения по делу Тревора Лэма.

Расшифрованная и переплетенная стенограмма судебного процесса и собранная Бет увесистая папка с заметками и газетными вырезками лежали рядом с сумкой. Их она возьмет с собой. И, конечно, «Агнца на заклание». Берди как раз закончила перечитывать его. В определенном смысле больше ей ничего не требовалось. Книга была превосходной. Во второй раз она впечатлила Берди еще сильнее, чем в первый.

«Агнец на заклание» оказался выставочным образцом всего лучшего, что есть в Джуде Грегориане: его редкостной способности сочетать в себе страсть, идеализм, логику и внимание к мелочам. Книга получилась не только безоговорочно искренней, но и скрупулезной. Она не просила задуматься. Не замалчивала обременительные факты или впечатления, а заставляла читателя понять, почему присяжные признали Тревора Лэма виновным, а затем доходчиво объясняла, почему их приговор ошибочен.

Как ни парадоксально, все это выглядело особенно убедительно, потому что самому Джуду Грегориану откровенно не нравился Тревор Лэм. Не нравился так же, как полицейским, судье и присяжным. Просто Джуд считал неприязнь недостаточно веской причиной, чтобы упечь человека за решетку чуть ли не на всю жизнь. С точки зрения Джуда, Лэм был невиновным. Неприятным, пьющим, грубым, но невиновным. Джуд полагал, что этого человека прогнали через вынесение обвинительного приговора к тюремному заключению с той же черствостью и неотвратимостью, с какими откормленного ягненка тащат на убой. И дело было не в том, что Лэм натворил, а в том, кто он такой. Приговор Тревору Лэму вынесли его личность и репутация, а не факты, относящиеся к делу. Не удалось найти никаких подтверждений тому, что именно он убил свою жену. Все доказательства в том виде, в котором были представлены, являлись сугубо косвенными.

В книге это излагалось подробно, пункт за пунктом, беспощадно демонстрировалась и непрочность фундамента, на каком строилось обвинение, и прискорбная несостоятельность защиты. Что выглядело особенно эффектно, так это проведенные Джудом параллели между судом над Лэмом и другими скандальными процессами минувшего столетия, в которых косвенных доказательств хватило присяжным, чтобы вынести обвинительный вердикт, однако впоследствии осужденных оправдывали или их невиновность была неопровержимо доказана. Джуд утверждал, что в каждом из упомянутых случаев личность, репутация, цвет кожи, социальная или религиозная принадлежность, а также моральный облик обвиняемых, оказали на полицию, судью и присяжных гораздо больше влияния, чем было допустимо, разумно и даже когда-либо признавалось теми людьми, какие вынесли приговор.

Джуд не пытался оправдать Тревора Лэма. Если он и рассматривал предысторию Лэма во всех подробностях – нищета, отец-рецидивист, восемь братьев и сестер, неоконченная школа, сомнительные культурные ценности и традиции семьи, такие как алкоголизм, невежество и мелкое хулиганство, – то лишь для того, чтобы дополнить образ главного действующего лица. Никто не знал лучше, чем Джуд, что даже в самых неблагоприятных условиях крайней нищеты мальчишки способны вырасти и не стать при этом преступниками, хулиганами, бандитами и

алкоголиками. Много лет назад, услышав историю его семьи (за бараниной с рисом и бутылкой вина в греческом ресторане), Берди чуть не устыдилась обиды, которую у нее до сих пор вызывали мысли об изнурительном одиночестве собственного комфортабельного детства в семье, принадлежавшей к среднему классу.

Одиночество и неприкаянность? Острое осознание, что ты не такая, как сверстники? Натянутые и так до конца и не выясненные отношения с матерью? Что все это значит по сравнению с мрачным, полным отчаяния миром мальчика-армянина, которого дети прозвали Льюис-Муха?⁴ С отцом, трудолюбивым, но под старость совершенно беспомощным, умиравшим от рака легких в спальне, и матерью, которая горбатилась над швейной машинкой? С тем, как оба возлагали надежды на смышленного ясноглазого сына, потому что не могли иметь других детей? И с тем, как умерли один через год после другого, оставив ребенка в холодных и скользких руках государства? Без родных, без друзей, без денег. Без ничего. Кроме надежды, целеустремленности, решимости и жажды справедливости.

Никогда Берди не чувствовала себя настолько эгоистичной и благополучно-буржуазной, как в тот день, когда их обед затянулся чуть ли не до вечера, а Джуд все говорил и говорил, сидя над замусоренным столом. Но в каком-то смысле это помогло ей понять, почему в итоге у двух таких разных людей нашлось столько общего. Почему они сблизились и заключили нечто вроде альянса. Ни он, ни она никуда не вписывались. В юридической школе обоих считали странными. Большинство сверстников воспринимали их как бесхитростных и наивных идеалистов.

Однако в конце концов различия между ними все-таки проявились.

Реакцией Берди на прагматизм и элитарность, вызывавшие отвращение у них обоих, стал уход из этой среды. Учебу она закончила только потому, что не любила сдаваться и не желала отступать перед ушлыми, холеными, чуждыми остальными. А потом покинула юридическую сферу не оглядываясь.

В отличие от нее Джуд поступил типичным для него образом – очертя голову ринулся в профессию. Он стремился перевернуть в ней все с ног на голову. Бросить вызов. Компромиссов не признавал. Наживал врагов из числа тех, с кем было опасно связываться. Снискал репутацию горячей головы. Скандалиста. Опасного противника.

Перебиваясь редкими процессами в роли бесплатного адвоката, предоставляемого государством, имея слишком много свободного времени, Джуд увлекся делом Тревора Лэма. С точки зрения Джуда, оно олицетворяло недостатки системы правосудия. И он написал «Агнец на закление», книгу, которая полностью изменила его жизнь и, как недавно выяснилось, жизнь Тревора Лэма тоже.

Берди впихнула в сумку запасные ботинки, но, несмотря на все старания, не помять рубашки ей не удалось. Взглянув на часы, она вздохнула. Уже поздно. Пора звонить Дэну Тоби. Прямо сейчас, пока он на работе. Услышав, что ей предстоит, Дэн наверняка возмутится, но есть шанс, что в офисе отреагирует на известие сдержаннее, чем дома, где стесняться некого.

По коридору Берди добрела до своего кабинета в передней части дома. Села к заваленному столу и взялась за телефонную трубку. Потом отложила ее. Завести этот разговор она не спешила. Что разладилось в ее жизни? В последнее время она, похоже, если и делала что-то, то вопреки своему желанию. И каким-то образом всегда оказывалась в невыгодном положении. Как это получалось?

«Это все Джуд. Надо было тебе сразу отказать Бет. И не звонить ему. Зачем же ты позвонила?

Не знаю.

---

⁴ Антропоморфная муха из рекламы австралийского инсектицида.

Знаешь. Тебе хотелось посмотреть, какой он сейчас, через столько времени. Ты не удержалась и позвонила ему, как только нашелся предлог. Когда можно было уверять себя, что ты просто поддалась уговорам Бет. Ты думала, что Джуд тебе откажет и этим все закончится. И просчиталась. Вот и влипла. Вини саму себя».

Все верно. Неприятно, но верно. Берди с мрачным видом снова сняла телефонную трубку и набрала номер.

– Ты... что-о?!

Берди отдернула трубку от уха и уставилась в пустоту. Ей представился Дэн Тоби на другом конце провода. Навалившись на край стола и побагровев, он яростно дергал узел галстука. Конечно, подобную реакцию Берди предвидела. Но в любом случае следовало поставить его в известность, верно? Не оставлять же Дэна в неведении, чтобы завтра вечером он напрасно ждал ее в пабе. Рано или поздно он все узнает. Уж лучше сразу признаться и отмучиться.

Свирепый голос беспомощно зудел в трубке:

– Берди! Ты слышишь? Берди!

Из трубки донесся пронзительный свист. Терпение Дэна лопнуло. Он окончательно вышел из себя.

Берди со вздохом приложила трубку к уху.

– Да? – вежливо произнесла она.

– Я не ослышался? Ты сказала, что едешь в Хоупс-Энд?

– Ты ведь знаешь, что еду, Дэн. Потому и кричишь. Ты беспокоишься.

– А как же! Разумеется, беспокоюсь!

Берди поморщилась и положила трубку на стол, мрачно посмотрев на разбросанные по нему бумаги, в основном счета, в том числе с неприятно краткими приписками. Надо бы найти возможность оплатить до отъезда хотя бы некоторые из них. Выписать чеки прямо сегодня и завезти их на почту по дороге в...

– Берди, подними меня! Подними меня! – надрывалась трубка.

Берди не обращала на нее внимания. Она принялась читать одно из писем:

«Уважаемая мисс Бердвуд, поздравляем! Вы были выбраны, и теперь можете воспользоваться абсолютно бесплатно нашим новейшим и самым выгодным предложением...»

Она вздохнула, сгребла письмо со стола и швырнула в сторону переполненной корзины для бумаг. Голос в телефоне умолк, а потом вдруг сменил тон. И зазвучал добродушно и рассудительно:

– Ладно, дружище, я уже не кричу. А теперь перестань ребячиться, хорошо?

Берди схватила трубку.

– Это ты ребячишься, Дэн! – воскликнула она. – А у меня нет времени на споры. Я укладываю сумку. И уезжаю в Хоупс-Энд собирать материалы по Тревору Лэму для Эй-би-си. Меня попросили, и я выполняю просьбу.

– Почему именно ты? – Голос стал подозрительно приглушенным.

– Видимо, потому, что я хорошо умею собирать материалы.

– Чушь! Ты на короткой ноге с этим чертовски опасным, прекраснодушным и преступниколюбивым мошенником Джудом Грегорианом! Значит, он все это и подстроил?

– Дэн, с тобой рядом кто-нибудь есть?

– Никого. Милсон вышел, когда я свистнул. Вид у него был такой, словно ему всадили деревянную ложку в задницу.

И на том спасибо, подумала Берди. Ее голос зазвучал жестче:

– А теперь слушай меня, Дэн. Отчитываться перед тобой я не обязана. Как и объяснять тебе что-либо. Я позвонила только затем, чтобы сообщить: завтра вечером не смогу встре-

таться с тобой. Вот я и сообщаю. С Божьей помощью я буду в Хоупс-Энде – там же, где Тревор Лэм и компания. Только не подумай, что я жду этой поездки с нетерпением. Нет, не жду. И заслуживаю сочувствия, а не оскорблений.

– Глупости! Если бы не хотела, ты бы туда не поехала. Я тебя знаю. Просто не удержалась, да? Ну как же, встреча с такой знаменитостью! Стыд и срам. Он мерзавец, Берди. Этот человек избил свою жену до смерти. Бедная девчонка была вдвое меньше его, да еще беременная...

– Дэн...

– И что же он за это получил? Крышу над головой и кормежку на пять лет, курс обучения, а по окончании – интервью на телевидении, планы сочинить книгу, да еще женщины пишут ему, предлагают себя в жены, и все вокруг хлопают его по плечам и уверяют, что он прямо сокровище. Мир сошел с ума.

– Дэн, ты не понял главного. Тревога Лэма выпустили из тюрьмы, потому что он не убивал свою жену. Его вообще не должны были сажать за решетку.

– Чушь!

– Ты что, газет не читал? Или книгу Джуда?

– Читал, как же. Ну, частично. Она меня не убедила. И всех моих знакомых тоже.

– Только потому, что все твои знакомые – полицейские.

– Лэм сто процентов виновен. Это ясно, я нюхом чую.

– Что ты несешь? С каких пор твой нюх – юридический довод? Дэн, речь идет о человеке, которого приговорили к чуть ли не пожизненному заключению. А подобный приговор выносят лишь при условии отсутствия обоснованных сомнений. И тебе это известно. Нужны доказательства.

– Он был весь в ее крови.

– Как был бы и ты, если бы нашел ее мертвой, бросился к ней и обнял. Вот и Лэм поступил так же.

– Это он так говорит. Лэм врет. Если он невиновен, зачем сбежал?

– Лэм бросился за помощью! А что еще ему оставалось? Он был пьян и в шоке. В темноте врезался на машине. Вот поэтому...

– Вот поэтому его и схватили, Берди! Поверь мне, Лэм пытался сбежать. Только далеко уйти не успел. Обычное дело для таких, как он.

– Но показаний он так и не изменил. Ни во время суда, ни позднее.

– Подобные ему учатся лгать с колыбели. Они врут как дышат. Господи, ты что, не видела его родных в суде?

– Только на снимках. Вот об этом я и говорю, Дэн. И Джуд имеет в виду то же самое. Неужели ты не читал?

– Да читал я эту книжку!

– Человека осудили лишь потому, что он не понравился присяжным. Против него не выдвинули никаких убедительных доказательств. Орудие убийства так и не нашли. В доме было полно отпечатков пальцев и ног. Похоже, к тому времени, когда приехала полиция, там успел перебивать весь город.

– И что?

– Дафна Лэм находилась дома одна с пяти часов дня до одиннадцати вечера. Ее мог убить кто угодно.

– Если не Тревор Лэм, то кто?

Берди замолчала. Тоби поспешил закрепить победу:

– Если твой приятель Джуд, чертов покровитель провальных дел, настолько уверен, что Тревор Лэм не убивал свою жену, почему не выяснил, кто это совершил?

– Джуд не был заинтересован в поисках доказательств чьей-либо виновности. Просто хотел добиться освобождения того, кого считал невиновным. Жертвой. Потому он и занялся этим делом. Вот такой он, Джуд. И всегда был таким.

– Ну, тебе лучше знать.

Берди вздохнула. Опять он за свое. Пытается поддеть ее на крючок. Ни в коем случае нельзя попасться на него. И вместе с тем она не могла согласиться с тем, на что намекал Дэн. От одной этой мысли ее бросило в жар. На щеках проступил румянец.

– Дэн, к твоему сведению, я вовсе не «на короткой ноге» с Джудом Грегорином, как ты выразился, – произнесла Берди. – Я не близка с ним сейчас и никогда не была раньше. Мы друзья. Вот и все. Поговорим, когда я вернусь.

– Если вообще вернешься, Бердвуд! Недаром это место называется Хоупс-Энд⁵.

– До свидания, Дэн!

Берди повесила трубку, включила автоответчик: на всякий случай, – вышла из кабинета и побрела обратно в спальню укладывать вещи. В маленьком доме было тихо. Обычно ей это нравилось, но сегодня вечером тишина казалась тревожной. Почему-то даже с включенным автоответчиком Берди не покидало ощущение, будто ее обложили со всех сторон. Не дозвонившись по телефону, кто-нибудь вполне мог явиться к ней лично. К примеру, Бет Босуэлл – с лавиной запоздалых и никчемных напоминаний, договоренностей и распоряжений в последнюю минуту. Даже сам Тоби мог вломиться к ней и продолжить спор, не желая оставлять за ней последнее слово. Думая об этом, она настороженно втянула голову в плечи.

Сумка лежала там, где Берди оставила ее – рядом со встроенным шкафом, вмещающим весь ее спартанский гардероб. Она бросила в сумку еще несколько пар носков. Потом вспомнила, что носки уже уложила, и вытащила обратно, а вместо них сунула коричневые сандалии. Джуд предупредил, что в Хоупс-Энде обещали жару.

Позднее она позвонит отцу. Обычно Берди сообщала ему, если собиралась уезжать, хотя он этого и не просил. Ему она просто скажет, что едет в Хоупс-Энд. В отличие от Дэна от комментариев отец воздержится. Не будет ни любопытства, ни настойчивости, ни скованности, ни угроз. Внезапно Берди охватило желание повидаться с отцом. Даже, может, поужинать вместе. У него в доме или в ресторане, где он обычно ужинал, когда оставался один. С белоснежными салфетками из плотного полотна, столовым серебром и хрусталем, цветами, вкусной едой. Просто расслабиться наедине с человеком, который безоговорочно принимает ее такой, какая она есть, и не требует в ответ ничего.

Берди быстро вернулась в кабинет, сняла трубку и набрала рабочий номер Ангуса Бердвуда. В такое время он наверняка еще в офисе. Домой отец никогда не торопится. Разумеется, у него может быть запланирован на вечер деловой ужин. Подобное случается часто. Бизнес обязывает. В будние дни отец чаще всего ужинал с деловыми партнерами. А для встреч с немногочисленными близкими друзьями приберегал субботний гольф и воскресные обеды.

– Маделейн, это Верити, – произнесла она, когда на звонок ответила секретарь Ангуса. – Отец у себя?

– Соединяю! Как всегда, Маделейн не тратила время на пустую болтовню. Личным секретарем у Ангуса она служила с тех пор, как Берди училась в школе, но за весь этот период они обменялись лишь несколькими дежурными фразами.

В трубке воцарилась тишина. Берди представила Маделейн, сидевшую за своим безукоризненно чистым столом в тихой приемной, где она обычно проводила целые дни. С давних пор Берди смутно подозревала – впрочем, при полном отсутствии доказательств, – что под маской деловой любезности Маделейн осуждает ее. Наверное, думает: какая жалость, что профессия, внешность и темперамент дочери Ангуса Бердвуда не годится для напряженной светской

---

⁵ От *англ.* Hope's End – конец мечты (надежды).

жизни. Ангус вдовел и не выказывал ни малейшей склонности вновь жениться. Дочь, соответствующая стандартам, могла бы стать ценным вкладом в карьеру. Блистательной хозяйкой приемов для представителей прессы. Дальновидным организатором политически выгодных званых ужинов. Очаровательной компаньонкой на коктейлях и премьерах. Но даже в самых смелых фантазиях Маделейн не смогла бы вообразить в этой роли Берди. Если у Маделейн вообще есть смелые фантазии. В чем Берди сомневалась.

Конечно, если бы Берди не ушла из юридической сферы, все могло быть по-другому. Став адвокатом, она заслужила бы одобрение Маделейн. Если бы бралась за громкие дела, выигрывала их и посещала хорошего парикмахера.

– Добрый день, детка! – послышался в трубке невозмутимый голос Ангуса.

Чувство, будто ее обложили со всех сторон, покинуло Берди.

– Привет. Я уезжаю на пару дней. Вот и хотела узнать: может, поужинаем сегодня вместе?

Перед моим отъездом? Ты не занят?

Она вдруг заметила, что по-детски скрестила пальцы «на удачу» и тут же решительно распрямила их. Нет уж, хватит!

– Свободен как птица, детка. «Пьер» подойдет? В половине восьмого?

– Отлично.

– Тогда до встречи. Буду ждать с нетерпением.

– Спасибо, папа.

В трубке воцарилась тишина. Берди вернулась в гостиную и включила музыку погромче, чтобы слышать в ванной. Она вынимала из встроенного шкафа приличный, пригодный для ужина в «Пьере» с отцом наряд – черные брюки, кремовую шелковую блузку и черные туфли, – а тем временем музыка Моцарта заполняла открытые пространства пустого дома и ее мысли. Берди выложила одежду на стул у шкафа, прошла по комнате, чтобы задернуть шторы, и окинула взглядом маленький двор с качающей ветками зеленью и шныряющими соседскими кошками.

Она вытеснит из головы Хоупс-Энд и Тревора Лэма до завтрашнего утра, пообещала себе Берди. Не станет думать ни о Джуде Грегориане, ни о судебных ошибках, а тем более о безнадежно запутанных ситуациях, нищете, потерях, жертвах, впустую потраченной жизни и возможностях.

Как и о смерти.

Но когда Берди возвращалась из душа, шлепая босыми ногами по шелковистым отполированным половицам, зазвучал «Реквием». Одеваясь в черное, она жалела о том, что не выбрала другой диск, что когда-то посмотрела «Амадей», и в особенности – никак не могла выбросить из головы все тот же вопрос.

Вопрос, который задал Тоби. Если Тревор Лэм не убивал свою жену, тогда кто?

Глава 5

Дорожный знак с надписью «Хоупс-Энд» указывал точно вниз, на кустик колючей пожухлой травы. А рядом с ним полоса асфальта ответвлялась от главной дороги, вела к желто-бурым холмам, где поворачивала и терялась вдали. Другой дороги в обозримых пределах не было. Значит, это она и есть. Берди придавила педаль и свернула на боковую дорогу. По обе стороны от нее раскинулись выгоны за проволочными заборами, вдалеке виднелось несколько домов, какие-то надворные постройки и простаивающий трактор. И никаких признаков жизни, если не считать нескольких стад овец, щипавших траву под низкорослыми эвкалиптами, да редких ворон, пролетающих по темно-голубому небу.

Было ужасно жарко. Берди буквально чувствовала, как жара обрушивается на крышу машины, рвется в окна, проникает сквозь пол. На заправке в Сассафрасе, у съезда со скоростного шоссе, пока расплачивалась за бензин и свой обед – банку колы и шоколадку, – парень за кассой сказал ей:

– Отсюда минут десять будет. Да сами увидите. Прямо так и поезжайте, и через десять минут окажетесь у развилки. Вам направо. Налево – тупик. А там еще десять минут – и вот вам речка Хоупс-Крик. А на противоположной стороне речки – Хоупс-Энд. Только затормозить не забудьте, а то проскочите и упретесь в кусты. Там дорога заканчивается.

Он с любопытством наблюдал, как Берди прячет чек в бумажник. На сей раз она пообещала себе в кои-то веки победить лень и потребовать полного возмещения расходов.

– Больше там ничего нет, в той стороне, – помолчав, добавил парень.

Улыбнувшись, Берди повернулась, чтобы уйти. Он по-прежнему глазел на нее.

– Вы, случайно, не из Сиднея?

Она кивнула.

– Это вы снимать кино будете? Про Тренора Лэма?

– Да. Правильно.

– Безобразие какое, – добавил он.

Берди так и не поняла, что парень считает безобразием: обвинительный приговор Лэму, его помилование или предстоящее интервью для Эй-би-си, – поэтому промолчала. Она развела в стороны длинные полосы пластика, которые висели в дверном проеме, сбивая с толку мух, и направилась к своей машине, которая мирно стояла на солнце рядом с одной из трех колонок заправки. Распахнув дверцу, Берди отступила, дожидаясь, когда салон автомобиля немного проветрится, открыла банку колы и отпила.

– Посмотреть, значит, решили, дамочка.

Парень вышел следом, прислонился к дверному косяку и уставился на Берди, щурясь от солнца.

– Занятное это место, Хоупс-Энд, – продолжил парень.

– Да, мне говорили, – кивнула Берди, отпивая колы.

Он улыбнулся, отмахиваясь от мухи.

– Занятное, – повторил он.

Берди заставила себя улыбнуться и поспешила сесть в машину. В салоне по-прежнему было жарко, как в духовке, но привычные запахи успокаивали. Она захлопнула дверцу, пристроила банку колы между коленями и завела двигатель.

Парень в прощальном жесте поднял руку, Берди выехала на дорогу и повела автомобиль прочь от заправки. Ее недавний собеседник не уходил. Спустя минуту-другую она взглянула в зеркальце заднего вида. Он стоял на прежнем месте и смотрел ей вслед.

От развилки направо. Хорошо, что парень предупредил, потому что узкая полоса асфальта вдруг распалась на три ухабистые проселочные дороги без малейших признаков указателей. Взглянув на часы, Берди повернула машину вправо, сразу сбавив скорость на грунтовке. Еще только половина первого. Времени у нее много. Джуд сказал, что они с Тревором Лэмом остановятся пообедать по дороге и прибудут в Хоупс-Энд не раньше двух часов. Она намеренно выехала так, чтобы времени хватило с запасом. Утром, как только Берди встала и оделась, стало ясно, что она вскоре изведется, сидя дома. Останавливаться, чтобы пообедать, ей не захотелось. Мысль об обеде в каком-нибудь стейкхаусе с видом на оживленную трассу или, хуже того, в загородном кафе, где придется давиться запеканкой в окружении кроличьих капканов на стенах и «состаренной» сосновой мебели, не прельщала. Видимо, тот, кто последние пять лет питался тюремной пищей, должен был относиться к подобным заведениям совсем иначе.

Ветер заносил в окно пыль из-под колес машины. Берди подняла стекло и снова опустила. Лучше задыхаться в пыли, чем жариться заживо. Теперь по обе стороны от дороги высился густой буш. Запыленные кустики травы отчаянно жались к сухим обочинам. По крайней мере было видно, что по этой дороге ездят автомобили. Иногда.

Берди миновала крутой поворот, и пыль, висевшая в воздухе, стала гуще. Интересно почему? Может, ветер нагнал со стороны холмистых пастбищ, которые сменили буш справа от дороги? Нет. Ветки деревьев были неподвижны. Ни одна травинка не качалась. На секунду она встревожилась, а потом презрительно усмехнулась, заметив, как из низины впереди на дороге вынырнула машина и бодро запыхтела, взбираясь на холм. Какая-то хозяйственная техника, да еще едущая на большой скорости. Вот в ее пыли Берди и задыхалась.

– Тоже мне детектив! – вслух съязвила Берди.

Заметив узкую полосу тени впереди, где над дорогой наклонился эвкалипт, она свернула туда и подъехала так близко к крутому откосу обочины, как только осмелилась. Здесь она дождется, когда осядет пыль. Берди заглушила двигатель и вытерла взмокшие ладони о джинсы.

Только теперь она услышала шум мотора той самой машины, которая уже въехала на очередной холм. Машинка была забавная. Как большая детская игрушка. Берди вдруг поняла: она знает, что это за машина. Бульдозер, только небольшой. «Бобкэт». Почему-то вспомнившееся название прибавило Берди уверенности.

Она расслабилась на сиденье. Пожалуй, ей даже не столько жарко... нет, ей и очень жарко, и вместе с тем нехорошо. Все происходящее кажется немного нереальным. Мысли в голове путаются. Наверное, не следовало есть шоколад натошак, да еще запивать колой. Постепенно до нее дошло, что и зрение утратило четкость. Все вокруг Берди видела как в легком тумане. Берди заморгала, стараясь не замечать слабого укола страха. Она сняла запыленные очки, энергично протерла их подолом рубашки и снова водрузила на нос. Мир вокруг опять стал четким, свежим и чистым. Чудесное исцеление. Еще один триумф непревзойденного частого детектива. Берди пыталась язвить в собственный адрес, пока вдруг не рассмеялась от облегчения. А она уж подумала...

Берди завела автомобиль и вывернула снова на дорогу. Пыль не совсем осела, но ждать дольше она не собиралась. Ей нужно завершить эту поездку, даже если ее конечная точка и финал – Хоупс-Энд.

Сью Суини взглянула на настенные часы и машинальным движением протерла стойку бара. Через час Тревор должен быть здесь. Вряд ли он приедет вовремя, сказала она себе. Что бы там ни думала старая Энни, в назначенный час его тут не будет.

Ей представилось, как Тревор входит в паб. Как встречается с ней взглядом поверх голов посетителей. Она будет держаться как ни в чем не бывало. «Привет, Трев, – скажет она. И улыбнется. – Давно не виделись». А он ответит...

– Еще четыре, дорогуша, спасибо.

Сью забрала стаканы, которые придвинул к ней Чудик Лэм. Он радостно ухмылялся, прислонившись к стойке и заложив пальцы за ремень. В такой позе Чудик казался почти нормальным.

Бедняга Чудик, думала она. Совсем как дитя малое. Как Джейсон. Нет, не как Джейсон. Джейсон – ушлый маленький поганец. А Чудик просто славный. Иногда шумный. Но в душе настоящий джентльмен. В нем нет ни капли подлости. Забавно, он единственный Лэм мужского пола, о котором все сказано в нескольких словах. Ирония судьбы, да и только.

Чудик положил перед ней деньги, глядя, как пена переливается через края стаканов, которые Сью наполняла доверху.

– Ты бы притормозил, Чудик, – предостерегла она. – А то налагаешься к тому времени, как придет Трев и этот адвокат. И женщина с телевидения.

Его ухмылка стала еще шире:

– А мама уже накалаась. У нас же праздник.

– Ну ладно, только вы осторожнее, хорошо? Не хватало нам еще сегодня драк. Цикаде это не понравится.

– Нет, сегодня драться я не стану, Сью. Сегодня Трев приезжает. У нас праздник.

Она пожала плечами. Зачем портить удовольствие бедняге?

– Тогда держи! – произнесла Сью, ставя на стойку стаканы с шапками пены.

У нее на виду он сгреб их огромными ручищами, старательно растопыривая пальцы, чтобы унести все четыре зараз. Потом попятился от стойки, повернулся и направился к двери.

Сью знала Чудика Лэма примерно год до того, как с ним случилась «беда», как говорила Энни. В то время он был здоровенным сильным парнем, известным умением работать кулаками, да еще красивым как картинка. Вот только соображал туго уже тогда. Слишком много получил ударов в голову во время потасовок в пабе. Некоторые из них Сью видела в первый год работы. Чудик никогда не лез в драку сам. Обычно Кит или Тревор оскорблялись на чьи-нибудь слова и ерепенились, зная, что Чудик прикроет их. И он, конечно, всегда прикрывал. По словам Цикады, с тех пор, как ему стукнуло четырнадцать лет. Может, если бы этим и закончилось, с ним все было бы в порядке.

Но вскоре Чудик начал участвовать в боях по всей округе. И это его доконало. Поначалу он даже кое-что зарабатывал. Сью помнила, как Чудик являлся в паб с полными пригоршнями денег, радостно орал во весь голос, и посетители хлопали его по спине. Он думал, что станет профессионалом, сколотит состояние. Хвалился, что тогда выстроит новый дом для всей своей семьи. С бассейном. А может, выкупит землю, которую за эти годы его отец продал Лесу Хьюиту.

Дафна пыталась помешать этому. И, наверное, в конце концов сумела бы, если бы ее не убили. У Чудика всегда находилось время для Дафны, он уважал ее. Прислушивался к ее словам. А она объясняла, что игра не стоит свеч. Говорила, что ему отобьют мозги, если будут постоянно бить по голове.

Но его родные считали иначе. Старая Энни Лэм прямо лопалась от гордости и твердила, что Милти был бы рад, увидев, каким вырос его малыш Пол. А остальным нравилось, что в доме прибавилось денег. Даже Розали.

Дафну никто не поддержал. Ничего странного – в этой семье она была белой вороной. Угораздило же ее связаться с такими людьми, как Лэмы.

Народу в пабе прибавлялось. Посетители только приходили. Уходить не спешили. День был будний, обеденный час давно миновал, а расходиться никто не собирался. Все ждали,

чтобы хоть одним глазком взглянуть на Тревора Лэма. Приятелей Трева среди них не было. Тот вообще ни с кем не водил дружбу – не хотел. В друзьях он не нуждался.

Когда Сью только приехала в Хоупс-Энд, то сразу поняла, сколько людей здесь не любят Тревора Лэма. Вообще-то в округе недолюбливали всех Лэмов, но Тревора – особенно. Только при нем и его братьях ничего такого не говорили. Для этого у них была кишка тонка. Просто молчали, и все. А когда его увезли, сразу разговорились. Сью раньше не слышала, чтобы они столько трепали языками. Многие прямо заявляли, что Трева повесить мало или застрелить как собаку, вместо того чтобы просто сажать в тюрьму. Мол, он всегда был подонком. Худшим из всех. Считали, что Трев еще легко отделался. И никто из них не верил, что его отпустят. До вчерашнего дня и четырехчасовых новостей.

А Тревора Лэма отпустили. И теперь все хотели увидеть его, оказаться в самой гуще событий. Чтобы потом было о чем поболтать. А еще говорят, что женщины вечно сплетничают, думала Сью. Называют нас любопытными. Так вот, женщины местным мужчинам в подметки не годятся. Заходят будто невзначай, кивают друг другу, сдвигают кепки на затылок, стоят со стаканами в руках, делая вид, что день как день, ничего особенного, обычный отдых после обеда. Только кто им поверит?

Сью разливала пиво, принимала деньги, давала сдачу, вытирала стойку и поглядывала на часы. Скоро... скоро... И что дальше?

Она не знала.

Несколько лет назад, когда у нее с Тревором Лэмом все только началось, Сью стояла на старом мосту в сумерках. И увидела, как лиса крадется по выгону Хьюита, перебегают от одного укрытия к другому. Наверное, надеялась поживиться новорожденными ягнятами. Но в то время Сью думала не об этом. Видела только ее одинокую обособленность. А еще – цельность и завершенность. Пока она наблюдала за лисой, та вдруг остановилась и повернула голову. Казалось, она смотрит прямо на Сью. Глаза лисы ярко блеснули.

Минуту она стояла как вкопанная, а потом потеряла интерес к Сью и направилась своей дорогой. Навострив уши, опустив хвост. Кралась не быстрее, и не медленнее, а так, как надо. Знала, кто она, куда идет, чего хочет, и больше ничего. Бессмысленное существо.

Вдруг Сью осенило: а ведь и Трев такой! От этой мысли ее передернуло, дрожь прокатилась от бедер по животу, груди и горлу. Горячая кровь бросилась ей в лицо, пока она стояла на мосту, глядя вниз, на быстро текущую воду. Сью была потрясена, пристыжена и напугана. Раньше она считала, что к Тревору Лэму ее влечет его грубая мужская красота и сильное мускулистое тело. Казалось, что она, сблизившись с ним, держится за жизнь обеими руками, как делала всегда, радостно упивается ею. А если ей и было совестно перед Дафной, или, если уж на то пошло, перед Цикадой, она старалась не вспоминать о них. Следовала своему принципу: будь что будет. Ради любви ничего не жаль. Но теперь Сью сознавала, что любовью тут и не пахло. Понимала, почему так и не нашла мужчину, к кому была бы по-настоящему неравнодушна. Любого мужчину, какой не наскучил бы ей, к которому она питала бы хоть какие-то чувства.

Что бы Сью ни твердила себе каждый раз, во всех этих городах, со всеми мужчинами, любви она вовсе не искала. Она искала возбуждения и опасности, ощущая лишь трепет постыдного страха.

Вот почему Сью не переставала думать о Треворе Лэме. Он дал ей то, чего она, похоже, жаждала все это время. Этот мужчина не нуждался в ней. Не уважал ее. Он вообще ни в ком не нуждался и никого не уважал. Не имел ни совести, ни чести, ни представления о потребностях и правах других людей. Был дрянью. Дрянью до мозга костей.

Сью передернулась с почти суеверным ужасом, ссутулилась над перилами моста. Тени деревьев за ней постепенно темнели. Ее захлестывала ненависть и презрение к самой себе. Что

с ней не так? Насколько она испорчена? Нужно сделать хоть что-нибудь. Покинуть Хоупс-Энд и жить дальше.

Но как только эта мысль мелькнула у нее в голове, она поняла, что никуда отсюда не уедет. Не хватит силы воли. Как всегда, как всю свою жизнь, она будет ждать, пока что-нибудь не случится.

Под мостом проплывали листья и ветки, наполовину погруженные в темнеющую, быстро текущую воду; беспомощно вертелись, попадая в крошечные водовороты. Сью казалось, будто они тянут ее за собой, что ее подхватили некие непонятные ей течения, и от нее уже ничего не зависит.

Обреченность нависла над ней прямо там, на мосту, в тот же вечер, когда она видела лису. Конечно, потом она исчезла. Почти сразу, как только Сью вернулась в паб – к свету, к привычному зубоскальству местных, к знакомым запахам и звукам. Но не забылась. Просто словно отступила в сторонку – туда, где Сью всегда видела ее, если не сосредоточивалась на чем-нибудь другом.

А вскоре убили Дафну. Увезли Тревора. Но даже этого было недостаточно, чтобы заставить Сью покинуть Хоупс-Энд. Она осталась, хотя должна была уехать. Ведь оставаться было бессмысленно. Здесь Сью могла погибнуть.

И вот теперь Тревор возвращается.

Сью подняла голову, заметив, что снаружи что-то происходит. Все посетители в баре выглядывали в открытую дверь. У Сью пересохло во рту. Нет, еще слишком рано. Это не он. И голос Энни пока не слышен. Как и голос Чудика. Или Джейсона. Нет, это не он.

Бык Трюс вошел в паб со сконфуженным и вместе с тем важным видом, неся потертую дорожную сумку из кожи. За ним по пятам следовала невысокая фигурка в синих джинсах и несвежей, запыленной белой рубашке с закатанными рукавами. Женщина с каштановыми вьющимися волосами, в очках и с объемистой коричневой сумкой через плечо.

Журналистка, предположила Сью. Никаких журналистов здесь не ждали. Вроде бы говорили, что местопребывание Трева постараются держать в тайне как можно дольше. Но ведь в округе всем уже известно, куда он направится. Почему бы и прессе не знать? Это как-никак их работа. Совать нос куда не просят.

Цикада не сдвинулся со своего места за стойкой, только глазел и вытирал руки полотенцем.

– Цикада, старый ты хрыч, отхватил-таки себе постояльца! – взревел Бык и мотнул головой в сторону женщины, идущей за ним. – С тебя комиссионные. Десять процентов. Эта краля ехала за мной по пятам. Небось запала на мои роковые чары!

Он плюхнул сумку посреди зала и с довольной ухмылкой огляделся по сторонам. В пабе стало почти тихо.

– Н-да? – протянул Цикада.

Невысокая худая женщина перевела на него взгляд и направилась к нему. Посетители расступились, пропуская ее, бросали на нее взгляды, старательно сохраняя равнодушие на лицах.

– Добрый день. Я Верити Бердвуд, – произнесла она, улыбнулась Цикаде и провела пальцами по своей пышной шевелюре, закладывая пряди за уши. – Из Эй-би-си. У меня тут забронирована комната на пару дней.

Вот это номер! Никогда в жизни Сью не удивлялась так, как сейчас. Она-то ожидала увидеть шикарную, начальственного вида девицу. Или вот еще бывают такие чернявые живчики: нос, глаза, зубы – все на виду, и не захочешь, а заметишь, и на все-то у них свое мнение, от утилизации опилок до абортот, и так далее.

Да кого угодно она ждала, только не эту невзрачную, неряшливую и лохматую пигалицу. Гостья была похожа на библиотекаршу. Не то чтобы Сью повидала много библиотекарш.

По правде сказать, только одну, когда училась в старших классах. Миссис Бинки. Моргалка Бинки. Как она учила их осторожно переворачивать страницы. И показывала, почти каждый библиотечный день. Все приговаривала: «Верхний правый угол страницы сжимаем бережно, но крепко, большим и указательным пальцами, и пе-ре-во-ра-ачиваем». Можно подумать, это библиотечное старье – ценная редкость, так она над ним тряслась.

Приезжая, конечно, была совсем не такой, как миссис Бинки. Но выглядела так, будто только и делала в жизни, что читала. Может, из-за очков.

Сью вдруг поймала себя на мысли, что эта женщина совсем не во вкусе Трева. И с этим парнем, адвокатом, у нее тоже наверняка ничего нет. Судя по виду, ему подавай кого-нибудь получше. Хотя... Слегка щурясь, Сью присмотрелась к Верити Бердвуд, которая беседовала с Цикадой, прислонившись к стойке. Странно, но она, казалось, знала, что делает. Как будто... все в ее руках. Вот-вот. Будто ей безразлично, что о ней подумают. И волосы у нее ничего. По-своему.

Те двое, Цикада и женщина, вдруг повернулись к Сью. Застигнутая врасплох, она широко заулыбалась.

– Побудешь за хозяйку, Сью? – спросил Цикада своим особенным, радушным тоном хозяина паба в провинции. – Покажешь нашей гостье комнату и все такое?

– Разумеется, – вежливо отозвалась она, с трудом удерживаясь, чтобы не взглянуть на часы.

Женщина подхватила свою сумку, любезно кивнула Быку Трюсу и направилась к тому концу стойки, где стояла Сью. И опять мужчины старались незаметно посторониться, чтобы ненароком не задеть ее.

– Лестница наверх вон там, – сообщила Сью.

Вдвоем они прошли в глубину зала. Сью распахнула дверь с табличкой «Только для постояльцев», за которой обнаружилась узкая лестница, и пропустила Верити Бердвуд вперед.

– Ты смотри, берегись, Сью! – заорал им вслед Бык Трюс. – Не ровен час, научит тебя чему плохому столичная девчонка! А тебе и без того хватает.

Довольный гогот и гул мужских голосов провожали их, пока обе поднимались по лестнице. Местные своего не упустили.

– Да вы не обращайте на них внимания, – проворчала Сью, стыдясь за них и за себя. – Кретины, что с них взять. Выделяются. Многих сейчас здесь вообще быть не должно. Поглазеть сбежались.

Верити Бердвуд оглянулась на нее и добродушно усмехнулась. Но Сью, уставившись прямо в холодные, умные янтарные глаза, вдруг поняла, что не сможет улыбнуться в ответ. Потому что мгновенно перенеслась на несколько лет назад и опять очутилась на мосту. И теперь смотрела в глаза лисы. На лису. Еще одиночка. Невозмутимая и безжалостная. Опасная.

Женщина, стоявшая на несколько ступенек выше ее, слегка озадачилась, отвернулась и направилась к первой двери от лестницы. Сью торопливо следовала за ней, чувствуя, как полыхают щеки. Какая же она дура! Дубина, каких мало! Надо же было такое навдумывать! С чего вдруг ей бояться эту приезжую? Это у нее самой одни лисы на уме, в том-то и дело. Ишь как издергалась из-за Тревора.

То-то и оно.

А в глубине ее души уже зашевелился мрак.

Глава 6

Берди села на край двухспальной кровати, сбросила туфли и откинулась на спину. Кровать зловеще скрипнула. От покрывала, беспорядочного сочетания тускло-зеленых, черных и белых треугольников, рябило в глазах, и пахло от него одеждой из секонд-хенда. В тесной комнатухе было душно. Приглушенный шум, поднятый завсегдатаями паба, влетал в окна, выходявшие на дорогу. Однако воздух вместе со звуками в окно почти не поступал. Снаружи не было даже легкого ветерка. Взгляд Берди медленно заскользил по комнате. Рассматривать тут было почти нечего. Небольшой платяной шкаф, белый комод, на котором лежало свернутое полосатое полотенце, пятнистое и мутное овальное зеркало изнутри на двери. Крупные розы карабкались стройными рядами вверх, к потолку, по белым решеткам на бледно-зеленом фоне с ржавыми кляксами. Очевидно, обои были несколькими годами старше покрывала на постели. Берди попыталась решить, какой период предпочтительнее для нее, и, поколебавшись, отдала первенство розам.

Она уставилась в наклонный потолок, мелкие зигзагообразные трещины на котором удачно сочетались с рисунком паутины на фестончатом фарфоровом плафоне. Сняла очки, и розы вместе с трещинами исчезли, перед глазами возникла приятная дымка. Нельзя просто валяться здесь, сказала себе Берди. Надо встать, сменить рубашку и спуститься вниз – познакомиться с Лэмами, пока не приехали Тревор и Джуд. Это наверняка они сидели снаружи у паба на большом бревне. В Хоупс-Энде просто не может быть второй женщины, которая выглядит точно как Энни Лэм. А с ней находились ее дети. Кажется, Розали, Кит и Пол. У него травма головного мозга. Вообще-то нужно было подойти к ним сразу после приезда. «И я подошла бы, если бы не этот тип на «Бобкэте». В общем, я к ним подойду, когда спущусь. Угощу их всех выпивкой. Отведу в сторонку».

Но она не двигалась с места.

Постепенно мысли приняли новое направление, и Берди задумалась о Сью Суини и Аллане Бейкере. Цикаде Бейкере. Она читала их показания в расшифрованной стенограмме судебного процесса по делу Лэма. И статьи в газетах, и упоминания о них в книге Джуда.

Цикада Бейкер был таким, каким она его и представляла: крупный и мясистый, почти обрюзгший, светловолосый, краснолицый и немногословный. Сью Суини она сразу узнала по фотографиям в газетах. Волосы у нее остались прежними – рыжеватыми, густой волной падавшими на плечи. За пять лет она немного прибавила в весе. Лицо округлилось и талия. Но Сью была не такой наглой, как ожидала Берди. А ее глаза и губы выглядели беззащитнее, чем на снимках.

– А кого-нибудь из Хьюитов там, внизу, нет? – спросила ее Берди, остановившись наверху лестницы.

Сью уставилась на нее, вытаращив глаза так, что белки показались вокруг орехово-зеленой радужки.

– Нет, – ответила она.

– А они придут?

Сью Суини пожала круглыми и пухлыми, как подушки, плечами:

– Не знаю. Миссис Хьюит точно не придет. Она вообще не выходит. Никуда. С тех пор, как...

«С тех пор, как убили Дафну».

Сью суетливо поддернула глубоко вырезанный ворот своей блузки.

– А мистер Хьюит? Или брат – кажется, Филипп?

– Лес может прийти, но с ним не угадаешь. – Она нахмурилась и оправила блузку. – А Фил сейчас еще в школе. Только в три двадцать освободится. Разве что потом...

– В школе? Пять лет назад Филипп Хьюит как раз оканчивал школу – или нет? Значит... Сью заметила ее замешательство и объяснила:

– Он теперь местный учитель. В средней школе.

– Да, вспомнила. Я читала об этом. А где находится школа?

Сью неопределенно махнула рукой куда-то в сторону двери паба и направилась по коридору.

– Ее отсюда не видно. Школа совсем крохотная. Далеко от большой дороги.

– А я и не думала, что здесь столько жителей, что даже школа есть, – продолжила Берди.

– Да уже почти нет. Вроде на будущий год ее закроют. – Сью Суини остановилась перед дверью с цифрой 3. В замочной скважине торчал ключ. Она повернула его и толкнула дверь, демонстрируя комнату. Свет и жара вырвались в коридор. В комнате на свету танцевали в воздухе пылинки, все виделось как в негустом дыму. – Говорят, в этой школе всегда был только один учитель. Только раньше учеников набиралось больше. Когда еще учительницей была Долли Хьюит. Ну, само собой, ведь Лэмы учились у нее. – Слабая улыбка скользнула по ее лицу. – Вот уж досталось так досталось.

– Значит, Филиппу Хьюиту придется уехать отсюда?

– А по мне, так и хорошо, – произнесла Сью и прошла через комнату к окну. – Сейчас мы тут у вас проветрим. – Мышцы сильных рук напряглись под рукавами ее блузки в оборочках, она подняла заедавшую оконную раму до самого упора. – Он как учебу завершил, так в эту школу и попросился. Чтобы с матерью находиться. Она... в общем, он считал, что должен быть рядом. Потому что... ну, понимаете, с тех пор, как...

«С тех пор, как убили Дафну».

Берди смотрела, как Сью направляется к двери, собираясь уходить.

– Ванная и туалет в конце коридора. Общие, пользоваться будете вместе с остальными – с Цикадой и тем адвокатом, который приедет с Тревором. Цикада живет в первом номере. Мистер Грегориан будет во втором. Четвертый свободный. Замки работают. Еще один туалет внизу, во дворе.

– А почему вы считаете, что это хорошо, если Филиппу Хьюиту придется уехать отсюда? Ванной Берди не заинтересовалась.

Сью снова пожала плечами. Что ж тут непонятного?

– Да Филипп тут свихнется. Дети доведут. Тут он умом тронется. Нечего ему здесь делать. Эти края убьют его. И любого такого же, как он. Это место... – Она вдруг оборвала себя, соорудила заученную комическую гримасу и тряхнула волосами. – Ну ладно, мне пора обратно, к честной компании. Вы как, в порядке?

– Да. В таком случае – до встречи.

– Кстати: завтраки у нас не подают. Но если хотите, можете приготовить сами в кухне. Берите что найдете, Цикада не возражает. Чай там, кофе. Печенье. В любое время. Не стесняйтесь.

Покончив со своими обязанностями, Сью поспешила уйти и прикрыла за собой дверь. В комнате задержались запахи ее тонального крема, шампуня и духов – более явные теперь, когда их хозяйка удалилась. Берди засмотрелась на мерцающие в солнечном луче пылинки, вновь поднятые в воздух движением захлопнутой двери.

«С тех пор, как убили Дафну».

Это место...

Странно, что Сью Суини осталась в Хоупс-Энде после допроса, который ей учинили в суде. Продажная женщина. Подруга жертвы, спутавшаяся с мужем жертвы. Интересно, каково ей сейчас, перед возвращением Тревога Лэма? Продолжат ли они то, на чем остановились? Наверное, и Сью размышляет об этом. Разговорчивая, живая, какими обычно бывают буфет-

чицы и барменши, а если приглядеться – как натянутая струна. На лестнице ее взгляд был почти испуганным.

А может, это ничего не значит. Тут повсюду ощущается напряжение. И сдержанное возбуждение, как бы ни пытались его скрыть мужчины, собравшиеся внизу. Ничего удивительного. Мало того, что Лэм возвращается оправданный и свободный: все, наверное, гадают, ждать теперь беды или нет. Например, если Лес Хьюит все-таки явится в паб.

«С ним не угадаешь».

Минуту Берди обдумывала эти слова. Потом заставила себя признать, что просто тянет время, откладывая неизбежное, надела очки и с трудом села на постели, с мрачным предчувствием заметив, что на матрасе осталась вмятина там, где она только что лежала.

Берди вытащила из сумки чистую рубашку и сандалии, которые сунула в последнюю минуту. Было ужасно жарко. В комнате по-прежнему стояла духота. Переодеваясь и уверяя себя, что ей уже гораздо прохладнее, она услышала, как еще две машины сначала прогрохотали по настилу старого моста, а затем свернули на стоянку к пабу. Так-так. Неужели Тревор и Джуд прибыли раньше, чем собирались?

Тихо чертыхаясь, Берди бросилась к окну, выглядывая из-под побуревших жалюзи, застрявших, видимо, в полуоткрытом положении, но все четверо новоприбывших были ей незнакомы. Она смотрела, как они подтягивают ремни, сдвигают кепки на затылок и, тяжело шагая в рабочих ботинках с эластичными вставками, направляются через дорогу к пабу. «Еще зрители. Театр заполняется». Эта мысль мелькнула так неожиданно, что Берди заморгала. Вот именно. Все эти люди там, внизу, будто ждут представления авангардной постановки, в которой актеры сидят в зрительном зале до тех пор, пока не начнется действие. Основной актерский ансамбль уже на месте. Ждут исполнителя главной роли и его опекуна. Вот тогда и выяснится, что им сегодня предстоит увидеть – комедию или драму.

Берди схватила сумочку и повесила на плечо, затем вышла из комнаты и заперла за собой дверь, сунув ключ в карман джинсов. Вообще-то запирает двери здесь, пожалуй, незачем, да и в комнате красть нечего. Однако люди любопытны. А привычка оберегать свою частную жизнь – сильна.

Берди направилась к темной лестнице, с приятным удивлением отмечая внутренний прилив возбуждения. Тягостное, озадачивающее чувство, угнетавшее ее несколько предыдущих недель, вдруг исчезло. Комедия или драма? Вот в чем вопрос. Почти все актеры уже на месте. Как и большинство зрителей. И кое-кому из последних предстоит сыграть свою роль в этой пьесе, как только она начнется, но кому именно – об этом пока не известно ни Берди, ни им самим.

«А кто же тогда я? – задумалась она, направляясь из полутьмы к свету и шуму бара. – Актер или зритель?»

Знать бы заранее...

Пробравшись через толпу в зале, Берди выскользнула на свежий воздух и извинилась, протискиваясь мимо парня с голым торсом и ярко накрашенной черноволосой девушки, стоявших возле самых дверей. Они отодвинулись, пропуская ее. Свет ослепил Берди, она машинально потянулась за темными очками.

Мальчишка с плутовским острым личиком, в мешковатых шортах и огромной черной футболке с черепом спереди бочком подскочил к ней, хитрющая улыбка дрожала на его губах.

– Это ты, что ли, телка из Эй-би-си?

– Джейсон! – раздался пронзительный голос из угла веранды. – А ну живо сюда!

Мальчишка стрельнул глазами туда, откуда донесся голос, но не сдвинулся с места.

– Ну? Ты или нет?

– Можно и так сказать. А ты Джейсон Лэм?

Он удивился, будто не ожидал, что его узнают. Потом довольная улыбка скользнула по лицу, парень метнулся в сторону и снова уставился на нее из-за старой цистерны, рядом с которой сидели его родные.

– Она знает, как меня зовут! – долетел до Берди его восторженный шепот. Кто-то из женщин сердито шикнул на мальчишку, и он замолчал.

Берди направилась к Лэмам. Кит, смуглый, среднего роста, с глубокими морщинами на лбу между густыми черными бровями, с мрачным видом прислонился к одному из столбов, поддерживавших односкатную крышу. Рядом с ним тонкая как щепка девушка с коротким ершиком обесцвеченных волос курила, отбрасывая сигарету ото рта такими резкими, дергаными движениями, так что длинные серебряные серьги в ее ушах качались. Это, наверное, подруга Кита с неправдоподобным именем Лили Денджер. Синяя майка, жирные черные стрелки вокруг глаз, тугие, как вторая кожа, легинсы с рисунком, босые ступни. Весьма экзотическая птица в данной стае.

О ней не упоминали в газетных репортажах, она не давала показаний в суде. Но Джуд предупредил о ней, пока вводил Берди в курс дела. Берди заметила ее только теперь. Вероятно, Лили появилась здесь уже после ее приезда. Рядом с ней – Пол Лэм, рослый, черноволосый и могучий. И на редкость симпатичный даже со сломанным носом. Но ухмылялся он по-дурацки, сжимая в руке стакан с пивом.

Берди окинула их мимолетным взглядом, кивнула всем сразу и повернулась к фигуре, восседающей на бревне у стены.

– Миссис Лэм, я Верити Бердвуд из Эй-би-си, – начала она, протягивая руку.

– «Миссис Лэм»! – Джейсон фыркнул и залился презрительным хохотом, держась под прикрытием опоры для цистерны. – Ишь ты! «Миссис Лэм»!

Он издал дикий вопль, повис на старой деревянной опоре и закачался, не упуская из виду ни единой подробности происходящего под крышей веранды. Берди вспомнился «Изгоняющий дьявола».

Энни Лэм обтерла ладонь о свою необъятную грудь и вяло пожала Берди руку. На ощупь ее пальцы казались теплыми сырыми сосисками.

– Паршивая погодка, да? – прошамкала она.

Берди кивнула:

– Жара страшная.

Энни Лэм усмехнулась, показав десны, лишенные зубов.

– У нас тут и похлеще бывает, – сипло продолжила она.

Энни сидела, подавшись вперед и широко разведя в сторону колени, ее ступни в резиновых шлепанцах крепко упирались в половицы веранды, в руке она держала стакан с пивом. Редкие, седые с желтизной волосы были кое-как собраны в неряшливый хвост и схвачены розовой резинкой, но длинные жидкие пряди выбились из-под нее и уныло повисли вдоль ушей. Энни была в сарафане с сиренево-зелено-розовым рисунком – огромного размера, бесформенном и все-таки слишком тесном для нее. Плоть мясистых рук, странно-белых по сравнению с грубой краснотой лица и шеи, буграми выпирала из широких пройм сарафана.

– Хо-хо! – выкрикнул Джейсон. – Да если бы здесь было в сто раз жарче, мы бы сдохли давно! Скажи ведь, мам? А, мам? Ма-ам!

Женщина, сидевшая рядом с Энни Лэм, пошевелилась.

– Да, наверное, – проямлила она.

– Точно сдохли бы! – Джейсон даже не пытался скрыть презрения.

Разговор, похоже, напомнил Энни о светских условностях.

– Это моя дочь Розали, – сказала она, мотнув головой в сторону соседки.

Все движения ее были замедленными, каждое сопровождалось кряхтеньем и совершалось словно через силу. Когда она молчала, то почти непрестанно жевала пустыми деснами. В

беззубости – вот в чем ее примечательность, решила Берди. Она заставила себя отвести взгляд от Энни и посмотрела на Розали, которая рассеянно улыбалась ей.

Розали? Было почти невозможно узнать какое-то нездешнее, тоненькое создание с фотографий в газетах в этой зрелой телом женщине неопределенно-приятной внешности, с поплывшими чертами, обветренной и обожженной солнцем кожей и мелко завитыми каштановыми волосами до плеч. Пять лет изменили Розали до неузнаваемости. Она выглядела гораздо старше своих двадцати девяти лет. В ней чувствуется какая-то острая отрешенность, подумала Берди.

– Очень приятно. – Опять это апатичное бормотание. Губы Розали растягивались в улыбке, а глаза смотрели в никуда.

Пять лет назад ранним утром Розали нашла жену брата лежавшей на полу кухни, с головой, превратившейся в кровавое месиво. Потом, бросившись к пабу за помощью, обнаружила брата, окровавленного и обмякшего за рулем разбитой машины. А позднее надрывно кричала не переставая, пока его, арестованного, увозили прочь. Неужели тогда она и опустила руки? Или процесс отчуждения Розали Лэм от жизни начался еще давно, а в последние годы просто ускорился, когда материнство, сама жизнь и Хоупс-Энд докончили ее?

– Я Чудик. – Рослый симпатичный сын Энни сам протянул Берди руку и пожал ее ладонь.

– Да видит она, небось не слепая, – процедила Лили Денджер.

– Язык прикуси, сучка! – повысила голос Энни Лэм, и в нем зазвенела вдруг вспыхнувшая ярость.

Ее и без того красное лицо приобрело зловещий багровый оттенок, а невозмутимая Лили улыбнулась и тряхнула головой, так что ее сережки блеснули на солнце.

– Кит Лэм, – представился мрачный мужчина, стоящий рядом с ней. Предыдущий разговор он словно пропустил мимо ушей. И даже не попытался протянуть руку для пожатия.

– А я как раз собиралась что-нибудь выпить, – произнесла Берди, решив немного отвлечь собеседников. – Не составите мне компанию? Думаю, Эй-би-си от этого не обеднеет, верно?

– А как же! – Энни с готовностью опустошила свой стакан и протянула ей. К ней вернулось хорошее настроение. – Даже не сомневайся. Мне еще пива. Вот спасибо, дамочка. Как, говоришь, тебя зовут?

– Верити Бердвуд.

Джейсон разразился визгливым смехом. Лили Денджер усмехнулась. Берди вдруг охватило нестерпимое желание подскочить и отвесить им подзатыльники.

– Обычно меня зовут Берди, – добавила она, забирая у Энни стакан.

Та расплылась в улыбке.

– Я-асненько, – отозвалась она и причмокнула губами, – так-то вот...

Уловив намек, Берди повернулась, чтобы сходить за выпивкой. Все как по команде принялись допивать остатки. Чудик тяжелой походкой обошел присутствующих, с привычной ловкостью собирая пустые стаканы.

– Я фанту хочу! – завопил Джейсон. – Слышь, Берди, мне можно фанту?

Она кивнула. Преследуемая звоном стаканов в руках Чудика, Берди направилась к двери паба.

– Грейс! – позвал Чудик. – Грейс, пойдем, выпьешь с нами. Берди угощает.

– Чего?

На призыв Чудика откликнулась черноволосая девушка, которую Берди видела, выходя из паба. Грейс взглянула на Берди, откинула волосы за спину и одним глотком допила все, что оставалось у нее в стакане. Парень, с которым она болтала, сделал то же самое. Оба поставили стаканы в стопку, которую нес Чудик, и отвернулись.

Значит, это и есть Грейс. Она выглядела гораздо старше, чем предполагала Берди. Лет на двадцать, а не на четырнадцать. В четырнадцать ее вообще не должны были пускать в паб. Но в Хоупс-Энде, похоже, возраст не помеха. Особенно если ты из семьи Лэм.

Берди направилась к стойке. Толпа мужчин опять расступилась, пропуская ее.

– Подфартило тебе, Чудик? – сказал кто-то за ее спиной.

Раздались смешки.

– Шесть... нет, семь стаканов пива, будьте добры. И одну фанту, – обратилась Берди к Аллану Бейкеру, глазевшему на нее из-за стойки.

Не проронив ни слова, он потянулся за чистыми стаканами и принялся выполнять заказ. Берди нашла в сумке деньги, прикидывая, как будет отчитываться за эти траты. Чеки тут явно не в чести. Бет придется верить ей на слово. Она взглянула на часы, висевшие на стене. Почти два.

– Видел недавно Леса Хьюита, – объявил Бык Трюс, бочком подступая к ней, но обращаясь к Бейкеру.

– Ну? – буркнул тот, не сводя глаз с пивного крана.

– Ага. На большом выгоне к северу. Барашка гнал.

Пиво пенилось, стекая на металлическую решетку под стаканами.

– Ну?

– Ага. – И он продолжил, искоса, хитро взглянув на Чудика: – Решил, наверное, подзакусить, пока есть чем. А то ходят слухи, что первосортных ягнят-то у Леса осталось раз-два и обчелся. Умора, да и только.

Чудик медленно повернулся к нему.

– К чему это ты? – хмуро спросил он.

Кожа на его лице словно натянулась, огромные кулаки сжались.

Бык Трюс неубедительно изобразил удивление.

– Да просто так, приятель, – забормотал он. – Я вообще не с тобой говорю, так или нет?

Цикада Бейкер поспешно передвинул четыре полных до краев стакана по стойке.

– Держи, – сказал он Чудiku. – Ты забирай эти, а она возьмет остальные.

Чудик замер в нерешительности.

– Забирай давай! – поторопил Бейкер. – Бык ничего такого не имел в виду. Верно, Бык?

Бык Трюс старательно закивал.

– Ничего такого, – сбивчиво подтвердил он. – Просто поболтать хотел.

Чудик медленно разжал кулаки, потянулся за стаканами и забрал их со стойки. А потом, еще раз взглянув сверху вниз на Быка, враскачку направился к двери.

Поджав губы, Цикада продолжал молча обслуживать Берди. Оставшиеся четыре стакана он поставил на круглый металлический поднос и проследил, как она берет его и осторожно отодвигается от стойки.

– Ну ты кретин, – услышала Берди, как он говорит Быку Трюсу, понизив голос и дождавшись, когда она отойдет на несколько шагов. – Тебе что, жить надоело?

– Да уж постою за себя как-нибудь, – заканючил его собеседник. – И вообще, ничего бы он мне не сделал. Тревор же с минуты на минуту приедет. Не стал бы он...

– Шутишь, что ли? Сам же видел, как он завелся. Знаешь ведь, какой он. Я и говорю: кретин ты. Держись от него подальше. И ни слова ему больше не говори. Понял?

К сожалению, больше Берди ничего не успела услышать, уходя прочь и удерживая на весу поднос. Она уже приближалась к двери, когда на веранде пронзительно заверещал Джейсон, легко заглушая низкое гудение мужских голосов:

– Едут! Едут! Дядя Трев приехал! Ма-ам, бабушка! Дядя Трев здесь!

В пабе стало совершенно тихо. Затем мужчины медленно, притворяясь равнодушными, потянулись к выходу. Этим плавным потоком Берди вынесло наружу через узкие двери, на

солнечный свет. Лэмы всей толпой бросились к дороге. Энни ковыляла первой, вокруг нее с визгом скакал Джейсон, подгоняя остальных, как овчарка – стадо овец. Местные собаки покинули свои места в тени хозяйских пикапов и подняли лай.

Новенький «вольво», сверкая кипенной белизной кузова сквозь слой желтовато-бурой пыли, подъехал к мосту, сбавил скорость и загрохотал по старым доскам настила. Возле паба он затормозил и припарковался параллельно ему, загородив дорогу. Ухмыляясь от уха до уха, Джейсон ринулся открывать пассажирскую дверцу. Остальные Лэмы застыли в ожидании. Из «вольво» вышел мужчина, смуглый, среднего роста, в темных очках. Яркий свет подчеркивал бледность его кожи. Не улыбнувшись, он огляделся, словно охватив все, что находилось перед ним: старый паб, посетителей между опорами веранды, Сью Суини и Цикаду Бейкера, притянутых к дверям будто на невидимой леске, неподвижных родственников на пыльной дороге. И даже Берди, которая с подносом в руках внимательно изучала новоприбывшего.

– Трев! – разорвал тишину возглас Энни, и она бросилась к сыну.

Губы Тревоора Лэма тронула улыбка.

– Привет, мама, – произнес он.

И с трудом удержался на ногах, попав в ее могучие объятия.

Глава 7

Голос Энни Лэм, вспоминающей прошлое, хриплый от пива и возбуждения. Смех Чудика. Пронзительный свист Джейсона, на которого с дороги смотрели другие дети. Поблескивающие серьги Лили. Сидящий на бревне Тревор Лэм, угрюмый, высокомерный и немногословный. Розали, не сводящая глаз с реки. Джуд с натянутой улыбкой, облокотившийся на перила веранды. Солнце, висящее низко в небе на западе, но опаляющее с прежней силой. Взревав двигателем, иногда какой-нибудь пикап задним ходом выкатывался из-под перечных деревьев и уезжал прочь, грохотал настилом моста и прибавлял скорость, скрываясь в облаке пыли. Жара. Мухи. Пот, жгущий кожу под коленями. Пивная вонь, пыль, автомобильные выхлопы, овцы, речушка...

Берди отступила, пропуская Чудика с еще одним подносом пустых стаканов. Он направлялся за следующей порцией. Счет выпитому пиву Берди давно потеряла. Как и счет времени. Она вообще забыла обо всем, кроме необходимости сохранять вертикальное положение и сопротивляться сильному желанию прилечь куда-нибудь, все равно куда, и уснуть.

Сколько все это продолжается? Берди заморгала, глядя на свои часы, нахмурилась и подняла запястье повыше, но так и не разглядела цифр. Наверное, уже поздно. Она вспомнила, что видела, как дети проехали по дороге на велосипедах, со школьными рюкзаками за спиной; как прогрохотал по мосту кремово-коричневый автобус; как мысленно отметила: уроки в местной школе закончились. С тех пор миновала целая вечность. Как минимум час. А то и два. Значит...

– Допивай, Берди! – заорал Чудик. – Джуд угощает!

Она заставила себя покачать головой, указывая на свой почти полный стакан.

– Сачкуешь! – выпалил он и радостно заулыбался. – А ну давай!

Улыбаясь, Чудик становился красавцем. Берди невольно улыбнулась в ответ. Этот парень ей очень нравился. Или виновато пиво?

– Не могу, Чудик, – призналась она. – Честное слово, больше не могу. Сегодня я толком не обедала, вот и...

– А мы еще по одной, и домой пойдем, – заботливо объяснил он. – На барбекю. Слышала? Так что лучше тебе...

– Эй, Чудик, чего канителишься? – Энни вытянула шею. – Мы тут все уже от жажды передохли!

– Да вот, Берди сачкует. Говорит, что пьяная в хлам.

– Этого я не говорила! – услышала Берди собственный протестующий возглас. – Просто я...

– Какое там, дорогуша, тебе еще пить да пить, – загоготала Энни Лэм, щурясь от солнца. – Давай-ка до дна! Чего зеваешь? Нам домой возвращаться, барбекю готовить, пока не стемнело. А то ничего не получится.

– Не задерживай его, Берди, – подал голос Джуд. – Все равно не отвертишься. Ну и что? Никто никуда не идет. Никто ничем не занят. Расслабься и получай удовольствие.

Он смеялся, но голос звучал чуть натянуто, и даже издалека Берди заметила, какой у него напряженный взгляд. И вдруг поняла, что под маской добродушия ему так же неловко, как и ей. Пока она размышляла об этом, марево перед глазами, вызванное солнцем, алкоголем и невыносимой скукой, немного рассеялось.

Признаки были едва заметными. Вероятно, Берди увидела их лишь потому, что слишком хорошо знала Джуда. И все-таки они были. Ей вспомнились времена, когда ему приходилось общаться с другими юристами в неформальной обстановке. Рыба, вытащенная из воды. Седло на корове. Джуд всеми силами старался скрыть это, а она никогда не стремилась, да и не могла.

Раньше Берди этого не улавливала. Поначалу словно завороченная смотрела, как Тревор Лэм принимает материнские объятия и слезы, безразличное рукопожатие Кита, восторженное похлопывание по спине от Чудика, поцелуй Розали – смущенный, все с той же странной полуулыбкой. Затем стала свидетельницей триумфального шествия к веранде, нерешительных приветствий из толпы зрителей, косых взглядов, когда Тревор поцеловал Сю Суини в губы, и ее щеки заалели от смущения. Вытерпела процедуру представления Тревору Лэму ее собственной персоны – их познакомил Джуд под бдительными взглядами семьи Лэм. Спокойно ответила на хмурый и почти ехидный взгляд Тревора Лэма. Справилась с мгновенно вспыхнувшей неприязнью, замаскировала и подавила ее в себе. А затем, снова отступив на второй план, постепенно впала в состояние дискомфорта, пока минуты, проведенные на веранде паба, складывались в часы и пиво лилось бесконечным потоком, питаемым деньгами Джуда и ее собственными.

Берди воспринимала Джуда как того, кто заодно с Лэмами. Ведь он же герой-победитель, верно? Человек, который вступил в схватку и победил, исправил вопиющую несправедливость, привез домой ни в чем не повинного узника. Это ли не кульминация триумфа? Но теперь, в запоздалый момент ясности, Берди увидела, что нет. Конечно же, нет. Догадавшись, она взглянула на Джуда «по-старому», впервые с тех пор, как он приехал. Увидела, что Джуд заметил это, почти неувовимо пожал плечами и улыбнулся. Берди ответила ему усмешкой. Возникла взаимная симпатия. А кульминацией триумфа для Джуда стал скорее всего момент официального объявления о помиловании и освобождении Тревора Лэма. Это и было торжество идеала, его безудержного стремления добиться справедливости. Сам же Тревор Лэм почти не имел отношения к стараниям Джуда – как сейчас, так и всегда.

А происходящее сейчас, все в целом, – лишь последствие, неизбежное наведение порядка и вместе с тем тягостный для Джуда этап неформального общения с людьми, с кем у него нет ничего общего. А также необходимость вновь признать факт, что он спас не трагического антигероя из душещипательных историй в газетах, а реального человека, которому нечего поставить в заслугу, кроме его невиновности.

– Ладно, Джуд, – сказала Берди. – Ты же платишь.

– Правильно. Вот и молодец! – просиял Чудик. – Допивай.

– Вы идите, я сейчас допью, – пообещала она.

Довольный, он отошел.

Энни Лэм с кряхтением поднялась и объявила:

– Мне по-маленькому надо. А ты не хочешь, Розали?

Та покачала головой.

– Терпеть подолгу вредно, – предостерегла мать. – Смотри, пузырь лопнет. Одна моя знакомая, Энджи Шоу, сестра Суина Шоу, как-то терпела всю дорогу от Сиднея до Мельбурна, потому что ехала с корешем Суина, ну и стыдно ей было проситься...

– Типа леди не писают? – съехидничала Грейс, выгибая спину возле столба веранды и выпячивая грудь.

Берди заметила взгляд и полуулыбку Тревора Лэма. Увидела, как на лбу Розали появились морщины, а затуманенные глаза потемнели.

– Ну и вот... – Энни повысила голос, решив закончить рассказ. – Ну и вот, терпела она терпела, а потом ее как скрутило, и уже можно было, а ничего не получилось. Все испробовала, сама так говорила. Мучилась страсть как. Позвали к ней врача. А когда наконец облегчилась, вышло у нее все черное. Черным-черно!

– Бе-е! – с отвращением взвыл Джейсон.

– Так что лучше иди с мамой, Розали! – Тревор улыбнулся сестре.

– Сам иди! – по-детски огрызнулась она.

Энни засмеялась и тяжело зашлепала к двери паба. Половицы старой веранды затряслись. Берди поспешно подобрала ноги, чтобы их не отдавили.

– Близняшки опять за свое, – проворчала Энни, проходя мимо. – То любят, то цапаются, как кошка с собакой. Нет чтоб жить себе спокойно. Ох, детки! – Она добродушно улыбнулась, показывая десны, и скрылась в полутемном зале паба.

А вот и вводная информация к сюжету, подумала Берди. Надо бы записать. Под заголовком «Близняшки».

Берди увидела, как Джуд что-то сказал Тревору, встал со своего места и направился к ней.

– Не хочешь немного пройтись, размять ноги? – негромко спросил он.

Она кивнула и поднялась. При этом сбила висевшей на плече сумкой свой стакан пива, который стоял рядом на полу. Ну вот, одной проблемой меньше. В вертикальном положении ей стало хуже, чем было. На миг все закружилось перед глазами. Чтобы не упасть, Берди схватилась за руку Джуда.

– Завязывай с выпивкой! – пошутил он, поддерживая ее. – Научись говорить «нет».

– Не удержалась.

В голове у Берди постепенно прояснялось. Все вокруг вернулось на свои места. Вдруг остро ощутив тепло руки Джуда сквозь тонкую ткань рубашки, она рассмеялась и шагнула вперед, от него. В прежние времена они редко прикасались друг к другу. Физического контакта их отношения не предусматривали, что бы там ни думали остальные.

«Может, в этом и была наша проблема».

– Куда пойдем? – спросила Берди, когда они вышли на дорогу и повернулись спиной к красному солнцу.

– До моста или еще куда-нибудь. Только ненадолго, а то они обидятся. Мне просто нужна передышка. Насчет тебя не уверен. Ты как, держишься?

– Вроде да. Хотя предпочла бы сидеть по шею в свиних помоях или ошипывать кур живьем.

– А что, звучит неплохо.

Оба неторопливо шагали, Берди смотрела на собственные ноги. Пыль набилась в сандалии, облепила пальцы. Солнце жгло спину.

– Тебе обязательно нужно уехать завтра? – произнесла она и поняла, что, будь трезвой, ни за что не задавала бы этот вопрос. Но Берди не раскаивалась, что спросила.

– Да. Сам жалею, ведь ты здесь. Но уехать придется. В среду я должен быть в суде. Об этом я договорился еще задолго до того, как узнал, когда Тревога выпускают. Даже раньше, чем стало ясно, что его вообще отпустят.

Джуд тоже смотрел себе под ноги.

– Это не значит, что у меня есть желание задерживаться тут, – добавил он, словно считал своим долгом быть откровенным с Берди. – Понимаешь, моя работа ведь закончена, правильно? Значит, здесь мне делать нечего.

– Тебе незачем оправдываться передо мной, Джуд. На твоём месте я бы вообще сюда не поехала.

Они добрались до моста, не сговариваясь, направились к перилам и склонились над ними, глядя в лениво текущую воду. Перила угрожающе закрипели. Оба резко отпрянули, а потом переглянулись и рассмеялись. Со стороны паба тоже донесся взрыв хохота. Наверное, кто-то наблюдал за ними. А может, и нет. Вероятно, Лэмы напрочь забыли про них и теперь смеялись над чем-то другим.

– Мне пришлось приехать, – помолчав, сказал Джуд. – Надо же было Тревору каким-то образом добраться сюда. – Он провел тонкой нервной ладонью по волосам. Этот жест Берди хорошо помнила. – И еще мне кажется, что я... несу ответственность за него. Раз уж я его вытащил, то подумал: нельзя сразу взять и бросить Тревога. И вот теперь он здесь, так что я могу оставить его с чистой совестью. В определенном смысле. По-моему, не самое подходящее место для него.

– Ты же ему не сторож и не нянька. Он сам захотел вернуться сюда.

– Да. В том-то и беда.

Берди вспомнила то, что слышала от Бет.

– Хочешь сказать, потому что Тревор намерен утереть местным нос? Тем самым местным, которые считали, что он виновен? Хьюитам и так далее?

– Отчасти да. По крайней мере, это входит в его планы. – Джуд указал на большой выгон на противоположном берегу реки. – Это земля Хьюита. Не вся, конечно. Участок у него огромный. А хибарка Тревора – на самой его границе. При желании он может видиться с Лесом Хьюитом каждый день. Да, чтобы покрасоваться. Вдобавок ко всему с недавних пор он немного... странный. Вздвинченный.

– Ну, это естественно. Ждал освобождения, торопился домой...

– Нет, тут что-то другое, не просто волнение. Я имею в виду, естественное для Тревора. А это совсем не то, что считается естественным для большинства людей.

Джуд вернулся к перилам. Засмотрелся вниз, но опираться на перила не стал. Берди смотрела ему в затылок и ждала.

– Я уже пару недель замечаю это, – наконец продолжил он. – Тревор что-то замышляет. Он принял какое-то решение. И теперь доволен собой. Я уже достаточно хорошо знаю его. – Джуд поморщился. – Еще бы, я же провел с ним столько времени. По пути сюда он почти все время молчал. А это ему несвойственно. Обычно Тревор болтает без умолку. Высказывает мнение обо всем, что происходит вокруг.

– Я слышала, Тревор планирует написать книгу.

– А как же! Специально для этого привез новехонький компьютер – он в машине. Я пообещал настроить его перед отъездом. Но речь не об этом. Книгу Тревор обдумывает уже несколько месяцев.

Берди положила руку ему на плечо. Снова нарушила правила. И ощутила, как дрогнули мышцы Джуда.

– Ты сделал для Тревора Лэма все, что должен был, – тихо промолвила она. – Он на свободе. Теперь оставь его. Ты должен его отпустить. Тревор такой, какой есть. Пусть делает что хочет.

– Знаю, знаю. Но...

Джуд повернулся к Берди в сумеречном свете, на его лицо легли густые тени. В это мгновение он выглядел совсем юным. Как когда-то давно, когда они оба были еще очень молоды.

– Что?

– Я сбил его с толку, Берди. Так увлекся, столько наговорил. Постоянно подгонял Тревора. Убедил поступить в колледж. И все такое.

– Но ведь это же хорошо!

– Наверное... Но я не думал, что он захочет вернуться сюда, когда выйдет из тюрьмы. Тревор почти не поддерживал связь с родными, пока находился за решеткой. Мне казалось, он начнет с чистого листа. Я понятия не имел, что его мечта – вернуться сюда и начать практически с того, на чем остановился. И вот теперь...

– Эй, вы там! Вы что, пить не будете? – раздался со стороны паба голос Чудика.

Они обернулись и увидели его силуэт на крыльце веранды. Чудик махал им рукой. Джуди и Берди неторопливо двинулись в обратный путь.

– Тревор сюда уже не вписывается, – произнес Джуд. – Ты же видишь. И сам считает себя выше всего этого.

– Ну, насколько я вижу, он ошибается, – сказала Берди.

– Однако именно так Тревор и считает. Поэтому было бы лучше для него, если бы...

Берди остановилась:

– Джуд, что бы ты ни сделал, каким бы ни был Тревор, в итоге решение принял он. Только от него зависел каждый его шаг. Ты за него не отвечаешь. Никто из нас не несет ответственности за чужую жизнь. Правильно?

– Конечно.

– Значит...

Джуд рассмеялся, тихо и с облегчением.

– Значит, я болван. Так? – Он повернулся к ней, блеснув зубами. – Берди, а почему ты никогда не звонила мне?

– А ты?

– Я считал, что тебе решать.

– Почему?

– Не хотел надоедать тебе. Нагонять скуку. Ты и закон... тебе же ненавистны все юридические дела. Мне казалось, ты меня осуждаешь.

– А я думала, ты осуждаешь меня. И потом, это ты прославился. А я осталась, так сказать, бесславной. Кто прославился, тот и звонит.

– А бесславные, значит, ждут. Так?

– Вероятно.

– Ладно, теперь буду знать!

Они подошли к пабу и поднялись на веранду, стараясь не соприкоснуться руками.

– Наконец-то явились, чтоб вас! – засиял Чудик. – Мы уходим. Дома барбекю ждет.

– Еще не ждет. – Кит залпом допил свое пиво.

– Ну так иди и начинай готовить, Кит! – велела Энни. – И Чудика возьми. Достаньте ребрышки из холодильника. А мы с Тревом и остальными скоро подойдем.

– Идем сейчас, – заныл Джейсон. – Есть хочу! Мам, а мам!

Розали вздохнула.

– Ну ма-ам!

– Заткнись, Джейсон, – велела заплетающимся языком Грейс. Ее темные глаза превратились в щелки, губы обмякли. Однако она снова наклонилась к стакану и отпила из него.

Тревор Лэм встал и потянулся:

– Рано еще, есть пока не хочется. Мы с Джудом плотно заправились по дороге. Ладно, мне надо к себе в хибарку. Джуд должен компьютер настраивать для меня. А вы идите домой и готовьтесь. Если хотите, начинайте есть. Мы с Джудом и Верити придем позднее.

– Ее Берди зовут, а не Верити, – надулся Джейсон.

Энни устала на Тревора:

– А может, ну ее, эту хибарку, сынок? Пойдем домой с нами.

– Я вернусь, мама. Но позднее. Ты идешь, Джуд?

Он протиснулся мимо Энни, переступил через протянутые ноги Грейс, задел боком Лили Денджер. Она с недоброй усмешкой взглянула на него:

– Уже устал от своей семейки? Не ты один.

Тревор протянул руку и взял ее за подбородок. По-хозяйски.

– Лучше не нарывайся, крошка Лили, – процедил он. – Я все вижу. Когда-нибудь получишь, на что напрашивалась.

– Неужели? – Она встретила с ним взглядом и облизнула губы.

Его пальцы сжались. Чудик присвистнул. Кит беспокойно затоптался на месте, но промолчал. Тревор опустил руку и слегка задел грудь Лили. Она по-прежнему смотрела на него в упор и улыбалась, не размыкая губ. На ее лице остались белые, постепенно краснеющие отметины его пальцев.

Тревор сошел с веранды на дорогу и оглянулся через плечо.

– Идем с нами, Розали, – сказал он. – В хибарку. Как раньше.

Она поднялась и, пошатываясь, спустилась по ступеням веранды. Проходя мимо Лили Денджер, отвела взгляд.

– А как же чай? – запричитала Энни. – А, Розали?

– Картофельный салат готов. А хлеб намажет Грейс.

– Размечталась, – буркнула та, сердито посмотрев вслед матери.

– Тебе сказано – значит, сделаешь, паршивка ленивая! – перешла на визг Энни, сорвалась с места и накинулась на нее, разом выплескивая всю злость.

Но Грейс вжалась спиной в столб веранды, и короткопалая пухлая ладонь не задела ее.

Тревор направлялся к машине Джуда, Розали следовала за ним. Ни один из них не оглянулся.

– Мы уезжаем, – сказал Джуд Берди, разыскивая ключи от машины.

– Хочешь, чтобы я поехала с вами?

– Только если ты согласна, – ответил он. – Но тебе представится удачная возможность осмотреть ту самую хибарку.

Она засуетилась:

– Только мне надо в туалет... Подожди, ладно?

Джуд кивнул, и Берди сорвалась с места, пока он не пошутил насчет черной мочи. Но на полпути к двери паба она сообразила, что конфузить ее таким способом он бы не стал. В отличие от Дэна Тоби, который наверняка отпустил бы подобную шутку.

Берди сжалась, готовясь к любопытным взглядам толпы в баре, но у стойки остались лишь Бык Трюс и еще трое мужчин. В тускло освещенном и тесном зале было почти пусто. Берди удивилась: как могло сколько людей пройти мимо нее в течение дня, а она их даже не заметила? Но, в общем, все логично. Если недавно обочина дороги напротив паба была заставлена машинами, то теперь там осталось лишь несколько автомобилей. Просто почему-то она не обратила внимание, как разъезжаются посетители.

Цикада Бейкер за стойкой кивнул Берди, пока она быстро проходила в глубину зала. По пути она пыталась собраться с мыслями. Почему она не заметила, что толпа в баре редет? Что случилось с ней этим днем? Обычно такие вещи Берди отмечала машинально. Похоже, ее мозг дал сбой. Отключился.

Тряхнув головой, Берди направилась по короткому коридору к задней двери паба. За дверью на маленьком крыльце она остановилась и огляделась в поисках туалета. На квадратном дворе, где земля была утоптана до состояния асфальта, росли кустики жесткой травы. Коробки и ящики с пустыми бутылками стояли штабелем у стены паба. Вдоль остальных трех сторон квадрата росли деревья с наклонными перистыми ветвями, образующими густые и плотные кроны. В их тени справа виднелось небольшое двухэтажное помещение – старый гараж или конюшня, с пристроенной сверху жилой камеркой, догадалась Берди, взглянув на шаткую лестницу, которая вела со двора к зеленой двери на верхнем этаже.

Никаких других строений Берди поначалу не увидела, но вскоре сообразила, что туалет находится рядом. Боковая стена уличной уборной, обшитая узкой вагонкой, образовывала часть крыльца.

Берди спустилась с крыльца и свернула за угол. Здесь обнаружилась дверь, обращенная во двор. Она уже потянулась к ручке, когда из уборной послышался шум воды и лязг отодвинутого засова. Дверь распахнулась, и на пороге появилась Сью, одергивая подол юбки. Берди попятилась. Сью вскинула голову и вскрикнула от неожиданности.

– Ох, – спохватилась она, – простите! Как вы меня напугали! Я думала, тут никого нет. Вам в уборную?

Берди кивнула.

– Туалет наверху лучше, – предупредила Сью, сморщив нос и выходя во двор.

– Ничего страшного. Мне надо уехать с остальными, вот я и хотела забежать...

- А они уезжают?
- По-моему, ужинать.

Сью кивнула, выражение ее лица стало отсутствующим. Она посторонилась, пропуская Берди в уборную.

Но когда Берди вышла, Сью по-прежнему находилась во дворе и смотрела в небо. В сумерках ее лицо казалось бледным. За день яркая помада стерлась с губ, нос лоснился. Сью направилась к Берди.

– Решила подышать свежим воздухом, – неубедительно объяснила она. – Думала, может, чаю выпью, если Лэмы уходят. Передохну, пока затишье. – Она пригладила волосы рукой. – Они вернутся позднее?

– Не знаю. Я просто следую за ними. Делаю, что решат другие.

– А-а. Ясно. Ладно, до встречи.

– До встречи.

Вдвоем они вошли в паб, и Берди увидела, как Сью заговорила с Алланом Бейкером. Казалось, Сью разочарована. Конечно, а как же иначе? Вот еще одна деталь, которую Берди до сих пор не замечала. После поцелуя на веранде Сью ушла в паб и встала за стойку. А Тревор Лэм остался сидеть с Энни на бревне. Весь день за выпивкой в паб ходил Чудик. А Тревор с места не вставал.

«Она перебьется».

Берди вспомнила, как Тревор сказал эти слова Чудику или Киту через час после приезда. Отвечая на невнятный вопрос или предложение. И сразу со всех сторон раздались смешки. В то время Берди не поняла, о ком речь. А теперь догадалась.

«Будем надеяться, что Сью пошлет его ко всем чертям», – яростно подумала Берди. Ей нечасто случалось поддерживать других женщин только потому, что они женщины. Однако здесь повсюду ощущалось нечто настолько brutальное и мужское, что солидарность пробудилась сама собой. Остальные женщины – Энни, Розали, Лили и даже четырнадцатилетняя Грейс, – похоже, нашли свою нишу в местном порядке вещей, и каждая по-своему смирилась с ней. Пусть и без особой радости, но смирилась. А Сью не из таких. Она по-прежнему боролась, стремилась, пыталась, искала лучшей доли. Это было написано у нее на лице.

Берди вышла на веранду. Лэмы сидели на прежних местах. Чудик помахал ей рукой.

– Скорее давай! – поторопил ее Джейсон, тыча пальцем в сторону машины Джуда, стоявшей на дороге.

Тревор Лэм устроился на переднем пассажирском сиденье и запрокинул голову, словно задремал. Розали жалась в дальнем углу заднего сиденья. Заметив Берди, она что-то сказала. Берди увидела, как Тревор повернул голову. Его лицо, частично скрытое темными очками, ничего не выражало. Но у Розали был встревоженный вид: Тревора заставили ждать.

Вот и хорошо, мелькнула мысль у Берди. Она спустилась с веранды и зашагала к автомобилю. Никуда не торопясь.

Глава 8

Если бы не тяжелый компьютер, они могли бы дойти до хибарки пешком. Понадобилось бы самое большее минут десять. Джуд писал об этом в «Агнце на заклятие». Берди изучила приведенную в книге карту, и все-таки удивилась, обнаружив, насколько близко к пабу находится прогалина среди кустов, отмечающая начало узкой незамощенной дороги к дому Тревоора Лэма – по сути дела, почти тропы. После приезда Берди ее даже не заметила, хотя припарковалась рядом. Прогалина была хорошо замаскирована деревьями с одной стороны и бушем с густым подлеском – с другой. Каждый, кто нырял в этот проход между деревьями, быстро становился невидимым с дороги. Высокие деревья и густые кусты росли по обе ее стороны, их ветки смыкались над головой.

Джуд прав, думала Берди, пока машина со скоростью пешехода тряслась на ухабах тускло освещенного туннеля из веток, темноту в котором рассекал только свет фар. Любой мог прошмыгнуть по этой почти заросшей тропе, дойти до хибарки, убить Дафну Лэм и ускользнуть незамеченным.

Любой? Кто?

Этот вопрос Джуда не интересовал. Ему просто хотелось продемонстрировать, насколько широк круг возможных подозреваемых с учетом конкретного сценария и времени действия. Доказать, что не только Тревор Лэм мог убить Дафну.

Дафна. Сю Суини говорила о ней. Единственная из всех, кто упомянул ее имя в присутствии Берди. Для прочих, даже для Джуда, Дафна, похоже, превратилась в некий почти забытый символ. Ее убийство стало причиной страданий Тревоора Лэма. Вот и все. Но Тревор Лэм по крайней мере был жив. И вышел на свободу благодаря стремлению Джуда к справедливости. А Дафна умерла. В двадцать два года. Где же справедливость для нее? Неужели до Дафны никому нет дела?

Машина ползла вперед, проезжала повороты, колыхалась в глубоких колеях. И вдруг тропа закончилась. Джуд затормозил. Далеко разносилось журчание воды в реке. Прямо перед автомобилем рос гигантский эвкалипт, как мрачный часовой. Джуд указал в сторону:

– Вот где ты врезался, Тревор.

Тот повернул голову, чтобы посмотреть:

– Значит, почти рядом.

Джуд снова завел двигатель, вывернул руль вправо, и Берди увидела, что это не конец тропы, а ее поворот на девяносто градусов. После поворота тропа стала прямой. Деревья выстроились вдоль обочин так, словно их посадили здесь специально, и эта аллея имела строгий и внушительный вид. Фары осветили что-то большое и темное прямо по курсу. Наклонная крыша, крытая рифленым железом, дымовая труба, маленькая веранда. Хибарка. Тревор подался вперед.

– А электричество точно есть, Розали? – отрывисто спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.